

Российская академия наук
Институт славяноведения

ПУРИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИСТОРИИ
СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Сборник тезисов

Москва
2005

Российская академия наук
Институт славяноведения

ПУРИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИСТОРИИ
СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Сборник тезисов

Москва
2005

Редакционная коллегия:

*доктор филологических наук Г. К. Венедиктов
кандидат филологических наук Ф. Б. Людоговский*

Пуристические тенденции в истории славянских литературных языков / Сб. тезисов. – М.: Институт славяноведения РАН, 2005. – 52 с.

Сборник содержит тезисы докладов, подготовленных к круглому столу «Пуристические тенденции в истории славянских литературных языков», который состоится в декабре 2005 г. в Институте славяноведения Российской академии наук. В тезисах освещаются разные аспекты и особенности пуризма у зарубежных славян в различные периоды функционирования их литературных языков.

Проблема пуризма как предмет лингвистических дискуссий

1. Понятию «пуризм» в лингвистической литературе нередко неоправданно, на наш взгляд, сопутствуют исключительно негативные коннотации, т. е. это явление изначально воспринимается как нечто ортодоксальное, консервативное и даже реакционное. Между тем подобная априорно предвзятая оценка данного феномена является неправомерной. Она вырывает его из конкретной культурно-исторической и языковой ситуации.

2. При оценке пуризма важно видеть в нем не только деятельность по «очищению языка», культурно-языковому изоляционизму, но и целенаправленную языковую политику, смыслом которой является активизация внутренних потенциалов языка, реализация его системно-функциональных закономерностей.

3. Предлагая подобное видение проблемы, я заранее предвижу резкое несогласие с этой точкой зрения оппонентов. Тем не менее, я склонна настаивать именно на такой трактовке явления. Настаиваю также на целесообразности разграничения *реальной* практической деятельности по «очищению» языка, проводимой зачастую не всегда профессионально и умело, и лингвокультурными предпосылками, делающими эту деятельность не только оправданной, но и целесообразной.

4. Проблема пуризма волнует как языковедов, так и носителей и пользователей этнического языка. При этом обычно речь не идет о том, нужны ли заимствования вообще или же без них можно обойтись. Ответ на подобный вопрос очевиден, т. к. ни одна этническая общность и, соответственно, ни один язык не могут существовать в условиях изоляции от внешнего мира, от контактов с другими этносами, их языками и культурами. Следы этих контактов сохраняются не только на современном синхронном срезе, но и в культурно-исторической памяти этноса. Стремление к абсолютной самодостаточности родного языка, к тому, чтобы все номинационные потребности полностью удовлетворялись лишь за счет его внутренних ресурсов, на практике оказывалось не только не реальным, но и попросту абсурдным. Нередко именно использование заимствований позволяет компенсировать отсутствие номинационных эквивалентов в родном языке, заполнить лакуны в деривационных цепочках языка-реципиента, удовлетворить потребность в стилистическом варьировании, в обозначении неизвестных данному со-

циуму реалий и проч. Заимствования, вне всякого сомнения, являются одним из эффективных путей пополнения номинационного фонда любого языка на всех этапах его существования. В процессе взаимодействия языков с различной степенью длительности культурной традиции решаются не только названные выше задачи, но зачастую происходит и их функциональное выравнивание, ускоренное формирование «культурного» слоя.

5. Особую остроту и значимость проблема пуризма приобретает в экстремальные периоды жизни этноса, к числу которых относится и эпоха национального Возрождения, и нынешняя эпоха глобализации, когда на первый план выдвигается задача формирования единого мирового цивилизационного пространства с доминирующим положением английского языка.

6. Характерное для данного периода «тотальное» распространение англицизов вызывает острую полемику, развертывающуюся как в теоретической, так и практической плоскости. Предметом обсуждения при этом становятся не только конкретные номинации или же структурные элементы (основы, форманты и т. д.), но и вопросы более общего свойства, в частности, возможность и целесообразность проведения политики языкового «протекционизма» для защиты родного языка от иноязычного влияния, создания «статуса благоприятствования» для использования и активизации собственных внутриязыковых ресурсов.

7. Политика, проводимая в отношении заимствований, обычно во многом определяется уровнем культивированности и полифункциональности литературного идиома: чем прочнее его позиции, тем терпимее относится общество к заимствованиям, и наоборот: если литературный язык находится в угрожаемом положении, отношение к заимствованиям становится более настроенным. Не случайным является, напр., усиление пуризма в экстремальные периоды жизни этноса. Опыт последних десятилетий XX в. эту закономерность несколько корректирует, поскольку на исходе столетия в активную борьбу с наплывом англицизов включились государства, обладающие развитыми, функционально дифференцированными литературными языками с длительными культурными традициями. Мы имеем в виду прежде всего Францию, которая приняла языковой закон, ограничивающий употребление англицизов. Бурную полемику в российских журналистских кругах вызвал закон о русском языке, представленный Государственной думе в начале 2003 г. Справедливости ради следует сказать, что ни этот закон, ни его более поздняя версия не были доведены до сведения ни научных кругов, ни общественности, т. е. он стал чисто формальной акцией. Принятие языковых законов, разумеется, не может служить панацеей в борьбе с инвазией англицизов, тем более что в условиях наблюдаемого ныне ослабления ав-

торитета кодификации литературного языка и общего снижения речевого стандарта публичной коммуникации предписываемые меры и рекомендации чаще всего не соблюдаются. И тем не менее есть все основания относиться к заимствованиям максимально серьезно, с учетом возможных последствий как для внутривидового развития воспринимающего языка, так и для коммуникации в социуме.

8. Проблема пуризма тесно взаимосвязана с этнической самоидентификацией, с одной стороны, и с оптимальным удовлетворением чрезвычайно возросших коммуникативных потребностей современного социума – с другой. Значимость обоих этих аспектов в истории этноса варьируется. У этносов малочисленных или же с еще не окрепшей государственностью потребность в сохранении этноязыковой самоидентификации (а порой и самодостаточности родного языка) особенно велика. И напротив, у крупных этносов это проявляется не столь сильно, поскольку они реже сталкиваются с реальной угрозой как своему собственному существованию, так и сохранности созданных ими культурно-языковых и прочих ценностей. Отношение к заимствованиям во многом зависит и от уровня культивированности и степени полифункциональности собственного литературного идиома.

9. Возможно, в этом контексте следовало бы рассматривать и проблему пуризма в чешских языковых традициях, большую приверженность чешского языка к исконно чешским обозначениям, хотя, разумеется, вряд ли имело бы смысл делать из этого какие-то глобальные выводы.

Формирование терминологической лексики в истории современного литературного македонского языка

1. Начало современному литературному македонскому языку было положено в 1903 г. Крсте Мисирковым, македонцем, выпускником Санкт-Петербургского университета. Мисирков создал литературный язык на народно-разговорной основе на базе центральных западных македонских говоров. Он принципиально отказался от церковнославянской языковой лексической традиции и от лексики соседних славянских языков – сербского и болгарского, опираясь только на македонскую диалектную лексику. Однако, создавая тексты научно-публицистического стиля, он вынужден был заимствовать терминологическую лексику из других языков. Для К. Мисиркова это был русский язык и интернационализмы, заимствованные исключительно через посредство русского языка. Эта терминологическая лексика составляет 20% всего лексического состава в произведениях Мисиркова. К сожалению, ценный опыт Мисиркова около полувека не был известен в Македонии, и его языковое творчество осталось на уровне идиолекта.

2. При кодификации литературного македонского языка в 1945 г. декларировалось, что лексический фонд литературного языка будет пополняться из всех македонских диалектов. Но в диалектах не было терминологической лексики. Поскольку в XX в. сербохорватский язык был официальным языком югославского государства, в которое с 1918 г. входила территория Вардарской Македонии, а до 1945 г. и единственным языком школьного образования, для литературного македонского языка сербский язык служил образцом при создании терминологии с помощью прямого заимствования или калькирования сербских слов и посредником при заимствовании интернациональной лексики.

3. При нормировании лексики литературный македонский язык по примеру сербов принципиально отрывался от влияния старых традиций; церковнославянская лексика интенсивно заменялась словами с продуктивными македонскими словообразовательными морфемами.

4. Состав лексики литературного македонского языка менялся также благодаря освобождению от устарелых и заимствованных слов, особенно турцизмов, которые, «спустившись» из высших функциональных стратов, остались лишь в разговорном стиле и нелитературном разговорном языке и диа-

лектах. Исключение составляют исторические термины османского периода и общеупотребительные лексемы, не имеющие синонимов.

5. На современном этапе развития, когда Республика Македония стала суверенным государством, македонский литературный язык активно старается избавиться также и от сербизмов, однако много терминов сербского происхождения, не имеющих македонских синонимов, прочно закрепились в македонском языке (ср. аналогичную ситуацию с некоторыми турцизмами), напр., *влада* 'правительство', *уметност* 'искусство', в т. ч. сербизмы интернационального происхождения типа *универзитет* 'университет', *студира* 'учиться в вузе' и т. п. За последнее десятилетие многие сербизмы тоже «спустились» в низшие функциональные стили и жаргоны, заменяясь в литературном языке на слова македонских моделей (сербизм *кафич* (молодёжный жаргон) – *кафуле* (лит.) 'маленькое кафе, кафешка'; *роба* (прост.) – *стока* (лит.) 'товар', *млекара* (прост.) – *млекарница* (лит.) 'молокозавод; молочный магазин' и т. д. Заметим, однако, что существительные с суффиксом *-ара* сербского происхождения весьма продуктивны в разговорном македонском языке последнего периода, напр. в терминах – названиях заведений питания: *сендвичара* 'бутербродная', *сладоледара* 'кафе-мороженое', *палачинкара* 'блинная', и т. д.

6. В 1945–48 гг. в литературном македонском языке было довольно много русизмов, которые конкурировали с исконной лексикой, а в дальнейшем развитии языка были вытеснены другими словами, напр.: *уважава* – *почитува* 'уважать', *уважителен* 'уважительный' – *учтив* и т. д. Русизмы, популярные в первый период становления литературного македонского языка, в последующие периоды развития лексического корпуса выходили из употребления, заменялись македонскими словами, развивавшими новые значения и новые словообразовательные модели. В современный период в македонском литературном языке остались, главным образом, лишь те русизмы, которые связаны с советскими (российскими) реалиями, напр., *ударник* 'ударник, передовик', *уравнилówka* 'уравниловка'.

7. Поскольку македонский язык отличается «умеренным пуризмом» (термин Л. Миновой-Гюрковой), он пополнялся также новой терминологией, заимствованной из западноевропейских языков. До 90-х гг. XX в. интернационализмы приходили в македонский язык через сербское языковое посредничество. В течение последнего десятилетия, в связи с глобализацией в различных сферах, интернационализмы (главным образом – англо-американизмы) заимствуются в македонском литературном языке напрямую, причем объем значений и вообще значения этих интернационализмов в македонском и русском языках часто не совпадают, напр.: *репетитор* '1. тех.

ретранслятор; 2. репетитор; 3. второгодник' и т. д. Кроме того, поскольку лексика македонского языка очень интенсивно обогащается, некоторые слова появились лишь в последние пять-шесть лет. Это новые термины из разных сфер науки и техники, напр., *агенда* '1. ближайшие планы, расписание дня (руководителя и т. п.); 2. блокнот-ежедневник', *мешовито претпријатие* 'смешанное предприятие', *плеј-бек* (разг.) 'фонограмма', а также военная терминология, поскольку в СФРЮ в армии служебным языком был сербохорватский язык.

8. Лексический состав современного литературного македонского языка очень интенсивно обогащался терминологической лексикой, благодаря чему за чуть более полувековой период по своему развитию сумел стать вровень с другими современными литературными языками: македонский литературный язык обладает развитой современной терминологией, богат экспрессивной лексикой, фразеологией, различными функциональными стилями, способен во всех нюансах выразить лексическими средствами все стороны окружающей действительности и человеческих фантазий.

Эволюция хорватского пуризма

1. Проблематика языкового пуризма неразрывно связана с книжно-письменной традицией хорватов и является одной из центральных тем истории хорватского литературного языка. Ей посвящены специальные статьи, разделы грамматик и монографий таких авторитетных исследователей языка как Т. Маретич, П. Губерина и К. Крстич, Л. Йонке, Й. Вончина, Р. Катичич, З. Винце, Д. Брозович, С. Бабич, М. Самарджия, Р. Оути (США) и др. Ведущие СМИ страны энергично поддерживают интерес к пуризму, рассматривая его как в языковом, так и в более широком культурологическом аспекте. Сам феномен хорватского литературного языка является итогом пуристического отбора. Несмотря на обилие «маложанровых» публикаций, обобщающих монографических исследований, посвященных истории хорватского пуризма, пока нет.

2. В докладе намечены основные вехи периодизации хорватского пуризма, рассматриваются «акторы» каждого из периодов. При этом, однако, следует учитывать не только конкретные языковые факты, описываемые в работах отдельных авторов, но и их взгляды на периодизацию истории литературного языка у хорватов и саму феноменологию пуризма.

3. Первые пуристические опыты хорватских авторов отмечены уже в письменных памятниках раннего средневековья. Они зафиксированы в произведениях с литературными претензиями. В то же время городские статуты, правовые документы, регулирующие общественные отношения, и литургические тексты раннего средневековья свободны от пуризма, открыты влиянию других языков и изобилуют в синтаксисе и лексике церковнославянскими и романскими элементами (латинскими, итальянскими, венецианскими, субстратными – далматскими). С точки зрения пуризма отмечается некоторая асимметрия этих текстов: тексты с литературными амбициями свободны по форме, но закрыты для иностранного влияния, отличаясь «iz-gazitim jezičnim čistunštvom» (Д. Малич), в то время как литургические и правовые памятники, более закрытые и консервативные по форме, насыщены многочисленными заимствованиями.

По мере укрепления позиций народного языка (narječja) в хорватской литературе пуристические инициативы переписчиков и авторов активизируются, но они в большинстве своем носят спонтанный характер. Прецеденты продуманного и системного подхода к элиминации заимствований единичны («Юдифь» М. Марулича).

Интерес средневековых авторов к вопросам чистоты языка был вызван неблагоприятными экстралингвистическими факторами (геополитическое положение страны, раздробленность хорватского языкового пространства, языковая ситуация, недостаточное знание родного языка и др.). Как правило, тревога о состоянии языковой ситуации в средневековой хорватской литературе выражена в предисловии к литературным произведениям (П. Зоранич, Ф. Главинич, П. Риттер Витезович).

4. Пуристические настроения литераторов материализуются в практике хорватских лексикографов: Вранчича, Микали, Хабделича, Белостенеца, Ямбрешича и Сушника. Словари этих авторов, кроме словаря Хабделича, многоязычные. Исходным языком в большинстве из них является иностранный язык, кроме «газофилациума» (сокровищницы) Хабделича и словаря Микали. Подыскивая эквиваленты (*jednakovrijednica*, термин Самарджии) для каждого иностранного слова, хорватские лексикографы становились пуристами. Степень и глубина их пуристического воздействия на язык различны, поскольку объемы словарей неодинаковы. Тем не менее, при сравнении корпуса этих и других, ранее неопубликованных, средневековых словарей, вошедших в научный оборот сравнительно недавно (словари Ивана Заноттия, Павла Риттера Витезовича, Адама Патачича), прослеживается очевидная взаимосвязанность и преемственность пуристической традиции.

5. Период хорватского «практического» пуризма, выраженного имплицитно, плавно переходит в период эксплицитного «теоретического» пуризма: тенденция к сокращению числа иноязычных слов в родном языке начинает сочетаться с попытками обосновать его чистоту в аспекте культуры речи. Рассуждения о вреде «чужих» слов появляются теперь уже не только в предисловии к литературным произведениям, но и в грамматиках, в справочной литературе. Ярким тому примером служит вступление («*Verstopis*») к «Новой славонско-немецкой грамматике» М. А. Рельковича (Загреб, 1767), направленное против турцизмов. В докладе дается характеристика языкового пуризма Рельковича-грамматиста и Рельковича-писателя.

6. Во второй половине XIX в., в период германизации (а также итальянизации) образования и вытеснения родного языка из образовательной и культурной сфер (родной язык в гимназии учили всего 2 часа в неделю), объектом ожесточенного отпора хорватских пуристов становятся германизмы, итальянизмы, «варваризмы» всякого рода. Имперское министерство образования распространило немецкий язык на изучение истории, естествознания, математики, физики, ссылаясь на отсутствие хорватской терминологии. В ответ хорватские пуристы бросили все силы на создание двуязычных и терминологических словарей. Особая заслуга в немедленном устранении белых пятен в хорватской лексикографии принадлежит Богославу Шулеку, автору двухтомного немецко-хорватского словаря (Загреб, 1860), двухтомного хор-

ватско-немецко-итальянского словаря научной терминологии (Загреб, 1874–1875), словаря ботанической терминологии (Загреб, 1879), составленного с использованием древних рукописных источников. В лексикографической практике Шулек придерживался принципа «опоры на собственные силы». Работая над терминологическими словарями, он опирался прежде всего на исконную народную лексику. Там же, где ее не находил, обращался к другим славянским языкам. Третьим источником были его собственные «кованицы». Подспорьем для него послужили также списки двуязычных эквивалентов, составленные представителями разных специальностей, приглашенными Ф. Рачким, инициатором данного проекта [Jonke 1965: 139].

Большой вклад в совершенствование словарного состава народного языка внес также лексикограф этого периода Драгутин Парчич, автор разных изданий – хорватско-итальянских и итальянско-хорватских.

7. На переломе 70-х – 80-х гг. в хорватском пуризме побеждает идеология хорватских «вуковцев», последователей Вука Караджича. По мнению хорватских исследователей (Р. Катичич), концепция В. Караджича также является одной из реализаций пуризма, но ее объектом становятся другие «акторы» – церковнославянский, русский, болгарский языки, достойная почитания книжно-письменная традиция. В то же время, пусть дорогой ценой, пуризм Караджича позволил сблизить язык сербов, хорватов и словенцев. Наиболее ярким представителем первого поколения хорватских вуковцев является Томо Маретич, автор фундаментального труда «Грамматика и стилистика хорватского или сербского литературного языка» (первое издание: Загреб, 1899). В опубликованном отдельно к нему приложении («Dodatak stilistici»), получившем неофициальное название «Antibarburus», сформулированы новые задачи и определены объекты хорватского пуризма на предстоящий период — первые десятилетия XX в. На фоне всеобщей поддержки хорватских вуковцев редких голосов маргинальных опозиционеров сначала почти не было слышно: незамеченной прошла книга Н. Андрича «Защитник языка хорватского» (первое издание: Загреб, 1911) и несколько статей на ту же тему А. Радича.

8. Со временем эти роли меняются. Объектом хорватского пуризма начинают все явственнее становиться сербизмы. Большой интерес в хорватском обществе вызвало скромное издание справочного характера П. Губерини и К. Крстича, впервые посвященное дифференциации хорватского и сербского литературного языка, вышедшее в преддверии Второй мировой войны (Загреб, 1940), что позднее в определенной степени бросило тень на эту работу. Нигде не цитируемая, эта маленькая книжечка, направленная, в сущности, на повышение культуры речи с опорой на «западный» («загребский») вариант, была всем хорошо известна и ностальгически почитаема. В то же время махровому пуризму периода Второй мировой войны, опиравшемуся на го-

сударственные институты преступного усташского режима, посвящена монография М. Самарджии «Языковой пуризм в НГХ (Независимом государстве Хорватия)» (Загреб, 1993). История хорватского литературного языка знает печальные периоды «воинствующего» пуризма, становившегося удобным идеологическим прикрытием антидемократических режимов, отставивших не культуру родного языка, а национальную исключительность. Но даже в самые трудные периоды новейшей хорватской истории выходили работы «умеренных» пуристов, разъяснявшие пагубность воинствующего и догматического пуризма («bojovni i dogmatski purizam», по Р. Катичичу), обрекающего национальный коллектив на добровольную изоляцию от мирового сообщества.

10. С установлением мира на штокавском пространстве ситуация меняется, борьба с сербизмами постепенно возвращается в сферу культуры речи и научного диалога. На страницах центральной хорватской прессы можно встретить признания общности исторического прошлого: «в середине XIX в. едва ли кто-либо отличал хорватский язык от сербского» (Vjesnik, 11.04.2005, рубрика «Откровенно»).

11. Заключительная часть доклада рассматривает проблематику пуризма в эпоху глобализации. В начале XXI в. широким фронтом разворачивается борьба против «американизации» хорватского языка, уходящая корнями в 70-е годы минувшего века. Главным «антигероем» становятся заимствования из английского языка, наводнившие, по мнению пуристов, хорватский язык до опасного предела. С тревогой об этом явлении пишет центральная пресса, специальные периодические издания и литература («Между модой и реальными потребностями» (Vjesnik, 27.01.2005, рубрика «Языковая культура»), ведущие лингвисты неугомонно «куют» собственные аналоги английских слов (grape-fruit 'limunka', user 'korisnik', computer 'računalo, računai', space shuttle 'svemiroplav', serfanje 'daskanje, valoplov', play off 'gubi bitku, doigravanje, razigravanje, završnica', rejting 'doseg', bookmaker 'knjižnjik, štionik', weekend 'tjednica', pace-maker 'srčani stimulator, srčanik', congress-woman 'kongresnica', cruiser 'krstarica, krstaš, krstašica, krstarka, kružnik', rendžer 'lugar, šumar, čuvar, nadzornik, nadglednik' и т. д.).

Стабильность хорватской языковой ситуации зависит также и от «внутридиалектного равновесия», от умеренности пуристических амбиций нормализаторов трех литературных языков (стандартной штокавщины и нестандартных кайкавщины и чакавщины).

ЛИТЕРАТУРА

Jonke 1965 – *Jonke Ij.* Književni jezik u teoriji i praksi. Zagreb, 1965. S. 125–135; 137–150.

Категория определенности/неопределенности и пуристические тенденции в истории словенского литературного языка

Одним из важнейших различий норм современного словенского литературного языка и речевого узуса нелитературных разговорных идиомов (включая диалекты) является несовпадение границ и средств выражения категории определенности/неопределенности. В традиционном понимании данная категория восходит к общеславянскому противопоставлению кратких (именных) и полных (местоименных, или членных) форм прилагательных. В результате процессов контракции и формирования унифицированных падежных флексий прилагательных словенский язык на ранней стадии своего развития утрачивает это противопоставление во всех формах, кроме именительного падежа единственного числа мужского рода (*star – stari, priden – pridni*). Реликты кратких форм представлены в «Фрейзингенских отрывках»: *Oni bo lačna natrovêho, žejna napojaho, naga odêjaho* [Ramovš 1937: 22] и в ранних произведениях Приможа Трубара, напр.: *Vitim erdechu moryej* [Rigler 1968: 11].

В XVI в. начинает формироваться аналитический способ выражения значения определенности/неопределенности. В качестве показателя определенности используется указательное местоимение *ta* «этот», а показателем неопределенности становится числительное *eden, en* (в огласовке XVI в. *an*). В составе адъективных словосочетаний с показателем *ta* могли сочетаться как краткие, так и полные формы прилагательных, ср.: *ta hudi strap*, но *ta velik prid*, а с показателем *an/en* краткие формы, напр.: *pokazati an legak, kratek pot*. Однако в XVI в., особенно в произведениях Трубара, широко используются показатели *ta, en* перед существительным, вне связи с прилагательным. Первой фиксацией такого типа употребления местоимения был памятник XV в. «Стичская рукопись»: *Češtjena bodi kralava mati te milosti...Mi k tebe vpijeme tuge zabne otrocy te Eve* [Mikhailov 2001: 83]. Уже в XVI в. эти формы интерпретировались как германизмы. Так, Себастьян Крель, критически относившийся к особенностям «краньшчины» Трубара, избегал употреблять «артикли» вне рамок адъективных словосочетаний [Orožen 1996: 179]. А автор первой грамматики словенского языка Адам Бохорич категорично заявляет: «...Артикля не должно быть в славянском и краньском языке. А если краньцы в своей речи и употребляют артикли, то это происходит под влиянием немецкого языка» [Bohorizh 1987: 68]. Влияние немецкого языка на лексические особенности и синтаксическую структуру словенской протестантской литературы отрицать трудно. Но и в более поздних произведе-

ниях, не являющихся переводом с немецкого языка, та и en в указанных выше позициях представлены достаточно широко. Ср., напр., их употребление в проповедях Янеза Светокришского в стиле барокко (1691 – 1707 гг.): *Jest sem en žlahtnik od stariga inu žlahtniga roda. Le-ta je en dober inu časti vreden stan, zakaj s sabo prnese tudi te lepe čednosti, iz katerimi njih stariši bili cerani* [Svetokriški 1969: 81], *Pripravi ta peklenski goluf to bogo dušo v greh inu kadar vidi, de ta grešna duša žalostna postani, se grima inu joka, de v negnado Očeta nebeškiga je padla* [там же: 173].

В конце XVIII – начале XIX вв. начинается целенаправленная борьба с германизмами. По образному выражению А. Байца [Bajec 1951: 10] была объявлена война и словенским артиклям. Общими усилиями та и en в функции артикля были изгнаны из литературного языка. Первым писателем, не употреблявшим артиклей, был прозаик М. Равникар [Orožen 1972: 112].

Были ли словенские аналитические показатели определенности/неопределенности исключительно результатом влияния немецкого языка или развивались на словенской почве независимо от немецкого языка? Этот вопрос, актуальность которого не утрачена и по сей день, неоднократно обсуждался в словенистике. Определенные сомнения по этому поводу высказывает уже Эрней Копитар (а именно с именем Копитара связывают пуристические тенденции в литературно-языковой деятельности в первой половине XIX в), дав в своей грамматике пример из народной речи: *Ktiro kravo si drajši prodal, to pisano al to črno? Какую корову ты дороже продал, пегую или черную?* [Kopitar 1808: 258]. Станислав Шкрабец в конце XIX в., приводя примеры с определенным артиклем, к тому времени уже утратившим склонение, та leri, ta lera, ta lero, подчеркивает генетически словенский характер этого та в отличие от артикля перед существительным, где действительно можно говорить о немецком влиянии [Toporišič 1978: 298–299]. По мнению Франа Рамовша, рассматривавшего просодические свойства кратких и полных форм прилагательных, эволюция указательного местоимения в «детерминативную проклитическую частицу» та – результат поиска эксплицитного средства выражения категории определенности/неопределенности [Ramovš 1997: 34]. Рудольф Коларич приходит к выводу о параллельном и независимом от прямого влияния немецкого языка развитии та, en и даже пишет, что «нет никаких причин не употреблять определенного и неопределенного артиклей в литературном словенском языке в тех категориях и объеме, как это отражено в живой народной речи» [Kolarič 1960: 196]. Йоже Топоришич, отметив необоснованность устранения определенного артикля (члена) из литературного языка, допускает факультативную возможность его употребления в разговорном варианте литературного языка, но считает неуместным спустя 150 лет пересматривать в этом направлении нормы стандартного литературного языка [Toporišič 1978: 299]. Новый орфографический кодекс словен-

скогo јазыка не укључает в число признаков кодифицированногo варианта литературногo јазыка аналитических форм с та. Соотвeтствующая словарная статья, сопровождаемая пометой «опред. член, нелит., разг.», содержит основные типы контекстов с та и их соотвeтствия в стандартном литературном јазыке, напр.: Ta grdi del poti je že z nami – *grdi* «страшная часть пути уже позади»; Otrok že je s ta veliko žlico – *z veliko* «Ребенок уже ест большой ложкой»; Med vojno je bil pri ta belih – *pri belogardistih* «Во время войны он был у белогвардейцев»; Dobili so ta mlado – *snaho* «У них теперь появилась сноха» [Pravopis 2001: 1545].

В последние десятилетия в стандартном јазыке отмечается тенденция к вытеснению полных форм у прилагательных, эксплицитно сохраняющих свою парность по признаку определенности/неопределенности. На отступления от литературных норм обращает внимание М. Шламбергер Брезар, предпринявшая попытку рассмотреть категорию определенности в коммуникативном (дискурсивном) аспекте. Причину отступления от литературных норм автор объясняет не только влиянием речевого узуса, но и изъясными в теоретической разработке нормативных установок [Brezar 2004: 43].

Думается, что уточнение функционально-семантических границ и набора формальных маркеров категории определенности/неопределенности на всех этапах ее становления на материале словенского јазыка поможет не только решить нормативные задачи словенского литературногo јазыка, но и обогатить общую теорию данной универсальной категории новыми и в какой-то мере уникальными данными.

ЛИТЕРАТУРА

- Bajec 1951 – *Bajec A.* Rast slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana, 1951.
 Bohorizh 1987 – *Bohorizh A.* Arcticae horulae succisivae. Maribor, 1987.
 Brezar 2004 – *Schlamberger Brezar M.* Diskurzivni pristop k problemu določnosti.
 Kolarič 1960 – *Kolarič R.* Določna in nedoločna oblika slovenskega pridevnika // Годинишњак филозофског факултета у Новом Саду. Књ. V. 1960.
 Kopitar 1808 – *Grammatik der slawischen Sprachen in Krain, Kärnten und Steiermark.* Ljubljana, 1808.
 Orožen 1972 – *Orožen M.* K določnemu členu v slovenščini // Slavistična revija. 1972. № 1.
 Orožen 1996 – *Orožen M.* Kretljev jezikovni koncept // Poglavlja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana, 1996.
 Pravopis 2001 – *Slovenski pravopis.* Ljubljana, 2001.
 Ramovš 1997 – *Ramovš F.* Slovenski jezik in njegovi sosedji. Zbr. delo. Knj.2. Ljubljana, 1997.
 Rigler 1968 – *Rigler J.* Začetki slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana, 1968.
 Toporišič 1978 – *Toporišič J.* Imenska določnost v slovenskem knjižnem jeziku // Slavistična revija. 1978. №3.

ТЕКСТЫ

- Mikhailov 2001 – *Mikhailov N.* Jezikovni spomeniki zgodnje slovenščine. Trst, 2001.
 Ramovš, Kos 1937 – *Ramovš F., Kos M.* Brižinski spomeniki. Ljubljana, 1937.
 Svetokriški 1969 – *Svetokriški J.* Pridige. Ljubljana, 1969.

**Об употреблении турцизмов в языке болгарских газет
(90-е гг. XX – начало XXI в.)**

Изменения литературно-языковой ситуации в Болгарии, связанные с общественно-экономической жизнью страны после 1989 г., оказали особое влияние на язык прессы. Появилась ярко выраженная тенденция к демократизации публицистического стиля, его так называемой «коллоквиализации».

Особенно это было заметно на лексическом уровне из-за массивной интервенции таких народно-разговорных элементов, которые делают язык газет более доступным, динамичным и даже агрессивным, имеющим большую эмоциональную и экспрессивную насыщенность, как вульгаризмы, жаргонизмы, диалектизмы, неологизмы и турцизмы с низкой стилистической окрашенностью.

Резкое снижение стиля не могло не вызвать естественного беспокойства лингвистов за судьбу родного языка и не выступить с оценкой данного феномена (Т. Бояджиев, М. Виденов, А. Замбова, Р. Ницолова, М. Велева и др.; см. [Годишник 1994], [Проблемы 1995]). Однако уже тогда специалисты отмечали, что некоторые иновационные явления преходящи, и, по образному выражению Р. Ницоловой, когда кипение в языковом котле успокоится, пена, появляющаяся на поверхности при любом кипении, будет снята [Ницолова 1994: 34].

Прошло более десяти лет. Указанные элементы, в том числе и турцизмы, постепенно вытесняются со страниц болгарских газет (см. [Викторова 1999], [Чакърова, Мевсим 2002]). По мнению К. Викторовой [Викторова 1999: 104], ряд турцизмов (*менте*, *баи*, *комишия*, *кеф* и *авер*) теряют свою эмоциональность и экспрессивность и превращаются в клише. К. Чакърова [Чакърова, Мевсим 2002], соглашаясь с К. Викторовой, полагает, что это может привести к постепенной их изоляции от журналистской практики. Далее она пишет, что турцизмы уже почти не употребляются в специализированных изданиях, не используются при отражении официальных или серьезных внешнеполитических событий, редко встречаются на первых страницах печатных изданий, а также в заголовках статей. Турцизмы «приходят на помощь» при сообщении об уличных скандалах, семейно-бытовых драмах, неблагоприятных поступках граждан, в качестве синонимов болгарских слов во избежание повторения.

Работа К. Викторовой вышла в 1999 г., доклад К. Чақыровой в соавторстве с Х. Мевсимом был прочитан в 2002 г. Представляется интересным проверить, сохраняется и продолжается ли эта нуристическая тенденция и в настоящее время.

Материалом для анализа послужили турцизмы, извлеченные путем сплошной выборки из газет от 2 июня 2005 г.: «24 часа» № 146, «Дневен Труд» № 146, «Дума» № 124 и от 18 августа 2005 г.: «Дневен Труд» № 223, «Морски Труд – Варна» № 163, «Стандарт» № 4530.

Эксерпированный материал показал, что функционирование турцизмов с низкой стилистической окрашенностью идет в сторону сокращения, упорядочения, но есть и такие турцизмы, которые проявляют прочность и даже расширение своего употребления.

1) Явно на своем месте оказалась вернувшаяся лексема *кмет*, как и некоторые исконно болгарские лексемы (см. [Комати 1994: 234]). Возможно, это произошло потому, что данная лексема удобна, универсальна, применима и при назывании главы большого города, и небольшого городка и даже села (ср. перевод на русский: (уст.) 1. городской голова; 2. сельский староста – БРС). При этом для называния женщины, занимающей данный пост, можно использовать и *кмет*, и *кметица* («Стандарт»; «Дневен Труд» № 223). В одной и той же статье газеты «Дневен Труд» № 223 употребляются обе лексемы.

2) Очень частотны новые лексемы с суффиксом *-джия (-чия)*. Они образуются от основ как исконно болгарских, так и иностранного происхождения: *катаджия* («Дн. Труд» № 146), *катаджийски* («Дума»); *таксиджия* («Дневен Труд» № 223); *рокаджия* («Дневен Труд» № 223, «24 часа»); *голаджия* («Дневен Труд» № 223); *купонджия*, *купонджийски* («Морски Труд»); *обирджия* («Дневен Труд» № 146); *ловджия* («Дневен Труд» № 146); *кинаджия*, *любовчия* («Стандарт»); *джебчийка* («Стандарт»).

Слова, бывшие устаревшими, употребляются для подчеркивания стилистической маркированности: *авджия* – охотник («Стандарт»); *чорбаджия* – собственник, работодатель («Дн. Труд» № 223); *ибрикция* – подхалим («Дневен Труд» № 146).

Следует отметить, что некоторые лексемно-неологизмы вытесняют старые, образованные с другими суффиксами, иногда расширяя их значения.

Напр.: *кинаджия* в РБЕ определяется как: (разг.) 1. человек, который делает кинофильмы или работает в кино; 2. любитель ходить в кино. В РБЕ есть также слова (без помет): *кинатографист* – 1. лицо, принимающее участие в создании фильма; 2. кинооператор; 3. кинорежиссер; *кинодеец* – кинодеятель, кинотворец, киноработник, актер и *киноработник* – общий

работник в кино. В РЧДБЕ эти слова не указаны. В РСБКЕ есть только *кино-работник*. В СТРЕБЕ представлены *кинаджия* – (разг.) человек, работающий в кино, и *киноман* – любитель ходить в кино. В БРС – *киноджия* (разг.) – любитель ходить в кино и *кинематографция* (разг.) – кинооператор. В РНДЗ указано лишь прилагательное *кинаджийски*.

3) На основе старых лексем образуются лексемы с новым значением, соотносимым со старым: *автоджамбазин* («Стандарт») (в РНДЗ толкуется как: 1. человек, занимающийся кражей и перепродажей машин; 2. торговец подержанными машинами; ср. *джамбазин* (простоляр.) – в прошлом – перекупщик, торговец скотом – РБЕ); *съкафезник* («Дневен Труд» № 223) – сокамерник. Слово не представлено ни в одном из указанных нами словарей. (Ср. *кафез* (жарг.) – тюрьма – РБЕ.)

Все указанные положения К. Викторовой и К. Чакировой, свидетельствующие об ограничении употребления турцизмов, нашли полное подтверждение в рассмотренных нами газетах:

1) бывшие наиболее частотными лексемы *менте*, *баш*, *комиция*, *кеф* и *авер* в нашем материале таковыми не являются: *менте* нам вообще не встретилась, *кеф* – один раз в газете «Дума», *комиция* и *авер* – по одному разу в «24 часа», *баш* – один раз в словосочетании *баш байрак* («Дневен Труд» № 223), притом что дважды в этом значении употреблен англицизм *топ*: *топ-банкер* и *топ-мениджър* («24 часа»);

2) газета «Дума» не является специализированным изданием, но и в ней турцизмы употреблены в основном лишь в сатирической зарисовке В. Станкова под характерным заголовком «Не’ам нерви» (*кеф*, *махала*, *катил*, *шише*) и в статье А. Николовой, директора национального музея Хр. Ботева в Калофере, где говорится о предметах быта второй половины XIX в. (*одая*, *кът*, *кьошк*, *джобен часовник*, *къца*, *чекрък*, *хаванче*, *сахан*); на всех остальных 24 страницах газеты в соответствующих местах нам встретилось всего 9 слов: *катаджийски униформи*, *джамия*, *ятаган*, *кама*, *чадър*, *джихад*, *молла*, *късмет*;

3) на первой и второй страницах указанных газет только в «Стандарте» употреблены лексемы *харч* и *махала*; при отражении официальных и серьезных внешнеполитических событий, кроме уже упомянутых слов встретилось существительное *кмет* («Дневен Труд» № 146), а также глагол *заборчлея* («24 часа», в статье о медицинских страховых взносах);

4) в газетах «Труд», «24 часа», «Стандарт» употребление турцизмов стилистически оправдано (в основном это материалы об одном уличном инциденте и бытовой драме), и их количество невелико; напр., в 32-страничном «Стандарте» мы насчитали всего 21 словоупотребление;

5) турцизми използват се в качествe синонимов български лексем во избежание повторения: *автостъкла* (в заголовке) / *джам* (в тексте) («Дневен Труд» № 146); *сметосъбиране* / *съдове за боклук* («24 часа»); *апаши* / *крадци*, *кмет* / *градоначалник*, *любовчия* / *любовник* / *женкар* («Стандарт»).

ЛИТЕРАТУРА

Викторова 1999 – *Викторова К.* Закономерностите в медийния език // *Медиите и езикът* им / ни. София, 1999.

Годишник 1994 – Годишник на Института за чуждестранни студенти. Т. 9. София, 1994.

Комати 1994 – *Комати З.* Наблюдения върху промените в езика на българската публицистика след 1989 година // Годишник на Института за чуждестранни студенти. Т. 9. София, 1994.

Ницолова 1994 – *Ницолова Р.* За някои прояви на тенденцията към демократизация в езика на българския печат след 10. XI. 1989г. // Годишник на Института за чуждестранни студенти. Т. 9. София, 1994.

Проблеми 1995 – Проблемите на социолингвистиката. Т. 4. София, 1995.

Чакърва, Мевсим 2002 – *Чакърва К., Мевсим Х.* Отново за съдбата на турцизмите в съвременния български език (изолация и/или реабилитация) / Доклад, четен на Юбилейната международна научна конференция «Българският език – история, настояще, бъдеще». София, 3–7.10.2002. В печати¹.

СЛОВАРИ

РСБКЕ – Речник на съвременния български книжовен език. Т. I–III. София, 1955–1997.

БРС – *Бернштейн С. Б.* Болгарско-русский словарь. М., 1966.

РБЕ – Речник на българския език. Т. I–II. София, 1977–2002².

СТРБЕ – Съвременен тълковен речник на българския език с приложения. В.-Търново, 1995.

РЧДБЕ – Речник на чуждите думи в българския език. София, 2000.

РНДЗ – Речник на новите думи и значения в българския език. София, 2001.

¹ Интернет-версия доклада см.: www.bclb.net/Chakyrova/Turcizmi.htm

² Вышло 11 томов, включая букву О.

Пуристические тенденции в современном церковнославянском языке

1. Под *современным* церковнославянским (=цсл.) языком (далее – СЦСЯ) мы будем понимать язык цсл. богослужебных текстов, используемых в настоящее время (в начале XXI в.) клириками и мирянами Русской Православной Церкви при общественном и частном богослужении и домашней (ке-лейной) молитве¹.

2. *Пуризм* как противодействие иностранному влиянию, угрожающему сохранению «чистоты» родного языка (и далее – культуры и самого этноса), обыкновенно избирателен. Как правило, в качестве угрозы осознается вполне определенная культура, в то время как иные влияния воспринимаются как естественные и допустимые. В случае с современным русским языком таким «агрессором» видится западная (в первую очередь – американская) культура. Применительно же к СЦСЯ следует говорить о противодействии влиянию *русского литературного языка* как агента секулярной культуры. В ходе обострившейся в 1990-е гг. дискуссии о возможности богослужения на русском языке большинство мирян и духовенства (по крайней мере, в публичных декларациях) высказали свое неприятие этой идеи, подчеркивая необходимость сохранения цсл. языка в неприкосновенности. Одной из целей нижеследующего анализа является установление соответствия или же несоответствия между подобными декларациями и реальной писательской и редакторской практикой.

3. Пурификаторская *деятельность* может реализовываться по меньшей мере двумя способами: 1) посредством влияния на узус (напр., путем создания авторитетных текстов, в пропаганде определенного речевого поведения) с перспективой воздействия на естественную (первичную) норму; 2) при помощи прямого влияния на кодифицированную литературную (т. е. вторичную) норму.

Между тем для СЦСЯ, в силу его функциональной специфики (отсутствия среди его функций неофициальной межличностной коммуникации), противопоставление первичной и вторичной норм оказывается нерелевантным. У СЦСЯ имеется единая, синкретическая норма, которая при этом не является кодифицированной. Таким образом, второй из вышеозначенных способов осуществления пурификаторской деятельности для СЦСЯ оказы-

¹ Подробнее о понятии «современный цсл. язык» и о смежных понятиях см.: [Людоговский 2003: 16–17, 72]; [Людоговский 2003а].

вается практически нереализуемым. Следовательно, подобная деятельность может заключаться либо в создании новых, образцовых текстов, либо в *редактировании* с определенной установкой уже имеющихся текстов.

4. В современной практике обычным является *многоступенчатое* редактирование вновь созданного текста. Многие тексты (прежде всего акафисты) создаются в провинции. Можно предположить, что первичную редактуру осуществляет тот священник – как правило, не имеющий специального филологического (а подчас и семинарского) образования, – которому автор приносит свое произведение, с тем чтобы он как духовное лицо высказал свое мнение о тексте. Рано или поздно большинство акафистов (служб, молитв и др.) попадает в поле зрения региональных издательств, которые осуществляют дальнейшую правку (как языковую, так и содержательную). Наконец, изданная брошюра вызывает интерес ведущих столичных (московских или петербургских) издателей. Здесь исправление текста осуществляется, как правило, опытными редакторами, которые имеют достаточно четкие представления о норме цсл. языка и вместе с тем способны творчески относиться к тексту, сознательно допуская или же отвергая разного рода русизмы в соответствии с собственными вкусами, предпочтениями и установками. Впрочем, на этом движение текста не всегда заканчивается, т. к. один и тот же акафист может циркулировать по разным церковным издательствам обеих столиц, постоянно претерпевая изменения.

Таким образом, на ранних этапах редактирования в тексте содержится максимальное количество русизмов, причиной чего является недостаточная языковая компетенция редакторов и корректоров. На поздних же этапах русизмы также могут присутствовать, однако в большинстве случаев это будет сознательное решение того или иного редактора, который проводит аналогичную политику и в отношении других текстов.

5. Чтобы определить конкретное *содержание* пурификаторской деятельности применительно к СЦСЯ, необходимо выявить те области, где 1) имеется влияние русского литературного языка и 2) это влияние встречает противодействие.

5.1. Влияние на СЦСЯ со стороны русского литературного языка (как на ранних, так и на поздних этапах редактирования текста) проявляется практически во всех подсистемах языка.

5.1.1. *Графика и орфография.* Наиболее очевидным (и, кажется, наиболее отчетливо – хотя и не всегда адекватно² – осознаваемым рядовыми «пользователями» СЦСЯ) аспектом воздействия русского языка представляется об-

² О цсл. тексте, набранном гражданской кириллицей, нередко говорят как о тексте на русском языке.

ласть графики и орфографии. Подавляющее большинство молитвословов, акафистников и канонников издается в русской транслитерации. Так называемые Зеленые Минеи [Минея 1978–89], по количеству служб превосходящие дореволюционные Минеи в 2–2,5 раза и составляющие не менее 70% от общего объема богослужебных книг, употребляемых при общественном богослужении, набраны русским гражданским шрифтом. Из книг Св. Писания в русской транслитерации печатается Псалтирь.

Графический инвентарь СЦСЯ содержит 46 букв и их орфографически и/или графически значимых вариантов. При транслитерации же цсл. текстов средствами русской графики используется 31 буква (буквы ё и э, как правило, не употребляются), т. е. в 1,5 раза меньше. Таким образом, транслитерация обуславливает потерю значительной части информации. Именно, становится невозможным различение омоформ, омонимов и паронимов, вследствие чего затемняется синтаксическая структура предложения, возникают проблемы с интерпретацией смысла.

5.1.2. *Фонетика и орфоэпия.* СЦСЯ не свойственна функция межличностной коммуникации, вследствие чего он не обладает собственной «естественной» фонетикой; воспроизведение цсл. текстов носителями русского языка обеспечивается прежде всего за счет русской фонетики, на которую накладываются некоторые ограничения орфоэпического характера. Прежде всего яркой чертой цсл. чтения является неотражение перехода *e* в *o* (чему в области графики соответствует отсутствие буквы ё – как в самой цсл. кириллице, так и в транслитерированных текстах). Кроме того, окончания *-аго / -яго, -ого / -его* предписывается читать со звуком [г], а не [в]. На этом список орфоэпических рекомендаций, выполняемых более или менее последовательно, заканчивается. Произношение *z*-фрикативного в настоящее время не является обязательным и общепринятым. Отсутствие редукции гласных декларируется как отличительная черта церковного произношения, однако реализуется непоследовательно и неравномерно у разных чтецов – от последовательного оканья до русского литературного аканья и даже иканья.

5.1.3. *Морфология.* В области морфологии следует особо выделить, во-первых, прошедшие времена глагола и, во-вторых, склонение существительных во множественном числе. В первом случае русское влияние преимущественно сводится к употреблению перфекта без связки; во втором – в широком использовании флексий *-ам, -ами, -ах* за пределами *a*-склонения.

5.1.4. *Синтаксис.* Наиболее яркий и частый случай влияния русского языка в области синтаксиса – замена двойного винительного и (особенно) двойного именительного конструкциями «винительный + творительный» и «именительный + творительный».

5.1.5. *Лексика и семантика.* Недостаточная начитанность многих церковных писателей и редакторов в богослужебных текстах, отсутствие современных цсл.-русского и русско-цсл. словарей ведет к тому, что при создании новых цсл. текстов используются русские лексемы со значением, свойственным русскому языку. Так, напр., в новых акафистах и службах нередко используется слово *старец* в значении «духовно опытный наставник, прозорливец». Такое значение у этого слова сформировалось в русском языке относительно недавно; при этом в цсл. слово *старец* имеет значения ‘старик’, ‘старейшина’, не обладая при этом устойчивыми положительными коннотациями. Аналогичная ситуация со словом *пустынь*. В русском языке это слово означает ‘монастырь (как правило, небольшой), находящийся в уединенном месте (часто в лесу)’ (Оптина пустынь, Глинская пустынь и т. д.). В цсл. используется слово *пустыня*, означающее ‘пустынное, удаленное от населенных пунктов место’. Однако русская лексема *пустынь* в последнее время проникает в цсл. богослужебные тексты.

5.2. Противоддействие русскому влиянию не имеет достаточной сдерживающей силы.

5.2.1. *Графика и орфография.* Тот факт, что набор цсл. текстов средствами русской графики есть явление нежелательное, находит все большее понимание в среде издателей. Намегились отчетливая тенденция к возврату к традиционной графике. Вместе с тем, книжная продукция, использующая русскую графику, по-прежнему преобладает. Минея дополнительная, выпущенная Издательским советом Русской православной церкви в 2005 г. [Минея 2005], набрана гражданским шрифтом.

5.2.2. *Фонетика и орфоэпия.* Не предпринимается никаких шагов по упорядочению цсл. орфоэпии. В Московской духовной семинарии несколько лет назад были отменены практические занятия по церковному чтению, последствия чего не замедлили сказаться.

5.2.3. *Морфология.* Использование перфекта без связки расценивается редакторами ведущих издательств как грубое нарушение норм цсл. языка (несмотря на то, что подобные случаи имеются в классических текстах, напр., в Апостоле). В то же время к *a*-экспансии отношение более терпимое. Нередки случаи сознательного использования «русских» флексий в целях достижения большей ясности текста.

5.2.4. *Синтаксис.* Если двойной винительный воспринимается многими редакторами как неотъемлемая принадлежность СЦСЯ, то двойной именительный нередко заменяется конструкцией «именительный+творительный».

5.2.5. *Лексика и семантика.* Лексика – в отличие от морфологии, – будучи открытой системой, весьма подвержена внешнему влиянию. Для того

чтобы минимизировать русское влияние в области лексики и семантики, необходима большая начитанность редактора в цсл. текстах. Однако и при этом условии далеко не все редакторы стремятся к использованию исключительно традиционных цсл. лексем. В тех случаях, когда ради правильности пришлось бы пожертвовать ясностью, выбор часто делается не в пользу правильности. (Более того: при воспроизведении готового текста – в первую очередь, при чтении Евангелия на службе – многие священники заменяют непонятные, с их точки зрения, для народа цсл. слова на русские или же на более близкие к русскому языку цсл. лексемы.)

6. Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Несмотря на то, что 1) цсл. язык по-прежнему остается богослужебным языком Русской православной церкви и 2) новые богослужебные тексты создаются в подавляющем большинстве именно на цсл. языке, приходится констатировать постоянное существенное влияние и давление на СЦСЯ со стороны русского языка. Это влияние реализуется как во «внешних» подсистемах языка – орфографии и орфоэпии, так и во «внутренних» – морфологии, синтаксисе и, прежде всего, в лексике и семантике. Редакторы ведущих церковных издательств, с одной стороны, стремятся минимизировать необоснованное русское влияние, с другой стороны – сознательно допускают подобное влияние в целях обеспечения доступности текста носителям русского языка. Аналогичные тенденции имеют место и в богослужебной практике, когда русификация текста осуществляется во время его чтения.

Таким образом, декларации о пуристических намерениях, содержащиеся в публикациях защитников цсл. языка, не находят адекватного отражения в писательской, редакторской и богослужебной практике. На фоне постоянных заявлений о необходимости сохранения цсл. языка и о недопустимости служения на русском языке налицо нарастающая русификация традиционного богослужебного языка Русской православной церкви.

ЛИТЕРАТУРА

Людоговский 2003 – *Людоговский Ф. Б.* Состав, структура и функционирование корпуса современных церковнославянских богослужебных текстов / Дисс. ... к. ф. н. М., 2003.

Людоговский 2003а – *Людоговский Ф. Б.* Современный церковнославянский язык: обоснование существования и определение понятия // *Славянский вестник*. Вып. 1. М., 2003.

ТЕКСТЫ

Миня 1978–89 – Миня. М.: Изд. отдел Мос. Патриархии, 1978–1989.

Миня 2005 – Миня дополнительная. Вып. 1. М.: Изд. совет Мос. Патриархии, 2005.

**Словацкий пуризм 30–40 гг. XX в.
и тенденции развития словацкого литературного языка**

Освещение вопроса о пуристических тенденциях в истории словацкого литературного языка предполагает оценку этого явления, однако сделать это в настоящее время представляется чрезвычайно сложным, поскольку оно в должной степени не изучено. Это объясняется тем, что данная проблематика приобрела в Чехословакии ярко выраженный политический характер, причем еще в межвоенный период. После Второй мировой войны резко негативная оценка пуризма еще более усилилась, поскольку стала связываться со Словацким государством 1939–1945 гг., причем пуризм теперь уже трактовался не только как проявление сепаратизма, но и буржуазного национализма. По нашему мнению, однако, необходима деполитизация подхода к изучению данного явления, что даже в настоящее время сделать весьма непросто.

Словацкий пуризм возник как реакция на подготовку официальных «Правил словацкого правописания», которая началась еще в 1920 г. в тесном контакте прежде всего с Чешской академией и завершилась в 1931 г. их опубликованием [Pravidlá 1931]. Руководил работой комиссии профессор Братиславского университета В. Важный, чех по национальности. Значительная часть словацкой общественности восприняла эти «Правила» негативно, что нашло выражение в принятом в 1932 г. решении общего собрания Матицы Словацкой о разработке новых правил, которой руководил Г. Бартек. Также в 1932 г. был основан журнал «Словенска реч» (Slovenská reč), главным редактором которого до 1939 г. также являлся Г. Бартек. Целью данного журнала стала борьба за чистоту словацкого языка. Со следующего года этот журнал стал официальным органом Матицы Словацкой. Так словацкий пуризм оформился организационно.

Особенностью словацкого пуризма стало не очищение словацкого литературного языка от функционировавших в нем заимствований как таковых, а ярко выраженная борьба со словами чешского происхождения (включая некоторые слова, общие с чешским языком, установить точное происхождение которых в настоящее время затруднительно). При этом примечательно отношение к заимствованиям из других языков, в частности, из немецкого и венгерского, к которым у авторов «Правил словацкого правописания» 1931 г. и их оппонентов была прямо противоположная позиция. Первые считали, что вместо слов немецкого и венгерского происхождения должны

употребляться славянские, т. е. общие с чешским языком (вместо *banovať* – *ľutovať* ‘сожалеть’, *chýr* – *zvest’* ‘слух, весть’, *faloš* – *klam* ‘обман’, *kefu* – *kartáč*¹ ‘щетка’, *kocka* – *kostka* ‘кубик, кусок’, *tava* – *veľblúd* ‘верблюд’ и др.). Пуристы же, напротив, полагали, что старые заимствования не должны исключаться из словацкого литературного языка, более того, они составляют его своеобразие.

В сентябре 1938 г. подготовленные новые правила были представлены руководству Матицы Словацкой, а в конце марта 1939 г. – министру образования возникшей Словацкой Республики. Министр образования, однако, посчитал некоторые предложения «слишком пуристическими», поэтому он их не одобрил. Ими оказались: 1) устранение неодушевленной формы множественного числа причастия на *l*, т. е. сохранялась единая форма с флексией *i*; 2) написание предлогов *s* и *z* не в соответствии с их семантикой, которая в ряде случаев уже перестала быть очевидной, а в соответствии с формальной стороной (*s* с твор., а *z* с род. падежом); 3) написание приставок *s-* и *z-* в соответствии с произношением, а не их семантикой; 4) обозначение долгих гласных в заимствованных словах в соответствии с их произношением, напр.: *agronóm*, *agronómia*, *anatóm*, *anatómia*, *filológia* и т. п. [Bartek 1954: 36]. Без указанных нововведений правила были опубликованы в качестве официальных в 1940 г. [Pravidá 1940].

Практически сразу же после второй мировой войны была признана необходимость их отмены и образована комиссия, которая должна была в короткие сроки подготовить новые правила правописания. Пуризм же как явление был осужден в 1950 г. [Blanár 1954: 194]. Работа по созданию новых правил, однако, затянулась на несколько лет и была завершена их публикацией только в 1954 г. [Pravidá 1954]. При этом, осудив пуризм, комиссия, как отмечает Г. Бартек, в области собственно правописания приняла именно те предложения из правил 1939 г., которые были отклонены как пуристические [Bartek 1954: 37].

С нашей точки зрения, оценивать деятельность пуристов необходимо в аспекте основных тенденций развития словацкого литературного языка в XX в. Принято считать, что в этот период словацкий и чешский литературные языки сближались, о чем, в частности, заявлялось в основных докладах и выводах, сделанных во время общегосударственных конференций, проводившихся в Чехословакии в 60-е гг. [Peciaġ 1974: 165]. Наше же изучение языкового материала в этом аспекте показало, что для развития словацкого и

¹ Г. Бартек отмечал, что слово *kartáč* ‘щетка’ также является старым заимствованием в чешском языке, как и слово *kefu* в словацком, поэтому замена одного другим не имеет никаких оснований [Bartek 1931: 584].

чешского литературных языков XX в. была характерна, прежде всего, ярко выраженная тенденция к дивергенции, причем активную роль в этом отношении играл словацкий литературный язык [Лифанов 2005]. Заметим, однако, что подобное развитие словацкого литературного языка вполне объяснимо: возникнув на базе древнечешского литературного языка [Лифанов 2001], он затем претерпел существенные изменения, особенно после кодификации Л. Штуром, однако в нем сохранялось значительное количество генетических богемизмов, особенно в области словарного состава. Вытеснение же генетических богемизмов фактически было утратой устаревших элементов, заменявшихся новыми, которые проникали в него из словацких диалектов или возникали непосредственно в литературном языке, поэтому такое развитие следует рассматривать в иной плоскости, т. е. не как античешское явление. При этом характер развития словацкого литературного языка не изменился и во второй половине XX в. В частности, Й. Ружи́чка констатировал, что лишь 10% предложений пуристов в словацком литературном языке не прижилось [Ružička 1970: 89].

ЛИТЕРАТУРА

- Лифанов 2001 – *Лифанов К. В.* Генезис словацкого литературного языка (= *Lincom Studies in Slavic Linguistics 21*). München, 2001.
- Лифанов 2005 – *Лифанов К. В.* Вытеснение богемизмов из лексической системы словацкого литературного языка с конца XIX в. // *Die Welt der Slaven*, XLX, 2005. S. 71–82.
- Bartek 1931 – *Bartek H.* Pravidlá slovenského pravopisu // *Slovenské pohľady*, 47, 1931. S. 579–586.
- Bartek 1954 – *Bartek H.* Nové pravidlá slovenského pravopisu // *Most*, 1, 1954, č. 2. S. 35–38.
- Blanár 1954 – *Blanár V.* Buržoázny nacionalizmus v jazykovej kultúre po r. 1918 // *Proti prežitkom ľudáctva*. Bratislava, 1954. S. 185–194.
- Peciar 1974 – *Peciar Š.* O jazykových kontaktoch // *Slovo a Slovesnosť*, 35, 1974. S. 164–170.
- Pravidlá 1931 – *Pravidlá slovenského pravopisu s abecedným pravopisným slovníkom*. Praha, 1931.
- Pravidlá 1940 – *Pravidlá slovenského pravopisu s pravopisným slovníkom*. Turč. sv. Martin, 1940.
- Pravidlá 1954 – *Pravidlá slovenského pravopisu s pravopisným a gramatickým slovníkom*. Bratislava, 1954.
- Ružička 1970 – *Ružička J.* Spisovná slovenčina v Československu. Bratislava, 1970.

Турецкие заимствования в языке Софрония Врачанского

В истории новоболгарского национального литературного языка (=ЛЯ) исследователи выделяют начальный период (вторая половина XVIII – первая четверть XIX вв.), который характеризуется утверждением идеи народной основы ЛЯ, а на практике – использованием народных и традиционных, книжных (преимущественно церковнославянских) элементов, с тенденцией постепенного увеличения числа первых и ограничения употребления вторых [История 1989: 45]. Процесс «демократизации» болгарского книжного языка, отмечающийся уже в новоболгарских дамаскинах XVII в., сопровождался, в силу отсутствия единой языковой нормы (=«кодификации»), дивергентным, экстенсивным его развитием, что привело к функционированию во второй половине XVIII в. множества книжно-письменных идиомов, в которых по-разному решалась проблема соотношения «традиционных» и «народных» элементов [Демина 1985: 20–22; Демина 1992: 8, 14].

Этот этап истории болгарского ЛЯ в целом соотносится с эпохой Возрождения в историческом и культурном развитии болгарского народа, когда закладывались основы, создавались объективные условия формирования болгарской нации и когда особенно ясно стало осознаваться значение просвещения и образования в жизни отдельного человека и всего общества. В это время важную роль в его духовной жизни начинает играть новый тип книжника, который «не оторван от современных проблем, проявляет активное отношение к действительности и судьбе своей родины, стремится актуализировать свои сочинения по содержанию и форме...» [История 1989: 49]. Первым таким книжником, который сформулировал идею языка как выражения национального самосознания и единства народа, а также понимание *каким* должен быть новоболгарский письменный язык, был Паисий Хилендарский, автор «Истории славеноболгарской» (ср. его тезис: «простим болгаром, просто и написах») [История 1989: 52].

Прямым продолжателем дела Паисия Хилендарского стал Софроний Врачанский. В его становлении как видного деятеля Возрождения сыграло важную роль и личное знакомство с Паисием, и то, что он сделал две копии (=«преписа») его «Истории...»¹. Основную свою задачу – как и всех образованных болгар – Софроний видел в просвещении и нравственном воспитании болгарского народа, что, по его мнению, должно было способствовать развитию национального самосознания и национальной культуры. Этой це-

¹ О различиях их языка см., напр.: [Жерев 1969].

ли посвящены все его произведения, начиная со времени пребывания в Котеле (когда были осуществлены «преписы» «Истории ...» Паисия, создан Котленский дамаскин и др.), и особенно – в Видине (Видинские сборники церковных слов, поучений, нравоучительных рассказов и др.) и Бухаресте (публикация «Недельник»), написание «Жития и страдания грешнаго Софрония» и др.).

Изучение различных аспектов в сочинениях Софрония Врачанского было и остается объектом постоянного интереса болгаристов как в самой Болгарии, так и за ее пределами. В лингвистическом аспекте внимание исследователей привлекают не только обоснование Софронием общей концепции новоболгарского ЛЯ, постоянная защита народно-разговорной основы новой письменности², но и его конкретная языковая практика, т. е. собственно язык отдельных трудов, в которых наблюдается соединение (=«смешение») «традиционных» языковых признаков и черт живой народной речи, к тому же манифестирующей различные диалектные области³, что находилось в русле общего процесса формирования болгарского национального ЛЯ.

Язык некоторых сочинений Софрония довольно хорошо изучен, ср. прежде всего работы К. Ничевой, Д. Петкановой-Тотевой, Х. Ожеховской («Недельник»), А. Ничева («Езопови басни»), И. Радева («Разкази и разсъждения»), В. Вытева («Езопови басни» и др.); упомянем также статьи С. Жерева и др. о языке Второй копии «Истории...» Паисия и т. п.; общую характеристику его языка находим в специальной главе в «Истории новоболгарского...», написанную Е. Георгиевой, и в статье В. Вытева, помещенной в первом томе сочинений Софрония Врачанского⁴. Предметом изучения в указанных работах становится прежде всего особенности графики, употребления грамматических и словообразовательных форм; вместе с тем в некоторых исследованиях содержится характеристика лексики. Так, К. Ничева, анализируя лексику «Недельник», разграничивает, с одной стороны, книжные и народно-разговорные элементы, с другой – исконные и заимствованные (из турецкого, греческого); среди последних указываются широко распространенные лексические единицы и лексемы, имеющие локальное распространение и уже вышедшие из употребления. Важно, что автор на основании сопоставительного изучения языка данного памятника и иных сочи-

² Ср. его высказывание в первом Видинском сборнике: «... Того ради потрудих се аз грѣшнїи и преписах тая книга душеполезная на простїи болгарсий язык, каквато хоратиме нїи... Досега такава книга на болгарский простїи язык на свете не е била... такава книги на простїи язык имат грацисте, и сербите, и власите, и русите и други вѣтри; токмо нашите беднии болгари ниимат таковїи дар. За това ся потемнени сос незнание» (цит. по [История 1989: 69]).

³ См.: «...положих и смѣсих нѣколко нарѣчсїи...» [там же: 70].

⁴ Достаточно полные сведения о подобных работах содержатся в разделе библиографии в [История 1989].

нений Софрония делает некоторые выводы общего характера (которые, по-видимому, приложимы и к лексике). Ср., напр., мнение о том, что язык Первого Видинского сборника и Жития значительно ближе к народному языку, чем язык «Недельника» [Ничева 1965: 216], что язык последнего обнаруживает тенденцию к архаизации и что автор сознательно уменьшает число диалектных слов и форм [Ничева 1965: 228]. В. Вытев интерпретирует это состояние как стремление «к усилению книжной обработки языка, соответствующей церковнославянской книжной норме, – как результат поисков преемственности с предшествующей книжно-языковой традицией» [Вытев 1989: 339]. Ценны и размышления Е. Георгиевой относительно интуитивного стремления Софрония к стилевой дифференциации языковых средств в зависимости от характера того или иного сочинения: народные элементы преобладают в текстах со светской тематикой, напротив, в текстах религиозного, нравоучительного и подобного содержания используются более архаические языковые структуры и лексика. Так, подчеркивается и особое отношение Софрония к употреблению книжных слов и заимствований; нацеленность его на широкое использование народного языка проявляется, в частности, во введении в текст значительного числа «ориентализмов», которые были хорошо известны в разговорной речи; в то же время есть примеры замены заимствованных слов на книжные славянские. В этом можно видеть желание автора, с одной стороны, обогатить словарь новоболгарского языка книжной лексикой и тем самым упрочить связь с многовековыми традициями болгарской письменности, а с другой – защитить «народностную чистоту» письменного языка от проникновения иноязычных элементов.

Дальнейшие исследования языка Софрония и специально – в сфере лексики, могут быть направлены, на наш взгляд, во-первых, на детальное изучение лексического состава отдельных его произведений с целью описания различных пластов – книжные, народно-разговорные (общеупотребительные, территориально маркированные, и в том числе иноязычные) элементы; во-вторых – на сопоставление результатов подобных частных описаний, что позволит выявить основные закономерности и тенденции функционирования различных компонентов лексики в текстах этого писателя.

В качестве примера подхода к изучению некоторых сторон лексики в произведениях Софрония, а именно – заимствований из турецкого, рассмотрен языковой материал следующих его трудов: Котленский дамаскин (1765 г.) [Софроний 1989]⁵, некоторые Слова из Первого Видинского сбор-

⁵ Некоторые наблюдения над характером языка данного текста сообщены А. Маноловой. Ср., напр.: «...при един внимателен прочит на Котл. не откриваме много черти от котленския говор, но е налице ярката начетност на преписвача, високата грамотност и стремеж към спазването на някаква езикова норма; и далсе: «...можем... да направим заключение, че поп Стойко тенден-

ника (1802 г.) [Софроний 1989: 193–248] и «Житие и страдание грешного Софрония» (1805 г.) [Софроний 1989а: 23–49], относящиеся к трем различным периодам его творческого пути.

В Котленском дамаскине 1) зафиксировано свыше 50 полнозначных лексем-турцизмов (помимо дериватов и неполнозначных слов); 2) они могут быть отнесены к различным лексико-семантическим группам, (а) административно-государственная и военная терминология, ср., напр.: *дивань*, *емире*, *целатинь*, *кехата*, *пашіе*, *спахія* (и дериваты), *тел'лале*, *томрюкь* (и дер.), *фермань*; *калето*, *тъпань*; отмечается некоторое число (б) терминов торговли и быта: *да пазаръвать*, *чершітата*, *да земаць хакь*, *фаида*; *ибрикать*, *нацрапа*, *синцир'ать*, *тепцітата*; единичны фиксации (в) лексем, характеризующих качества и чувства человека: *гювендіи*, *кавзи*, *ковлади*, *хат'р*; (г) лексем, обозначающих явления природы: *берекетни* (облакъ), *талази* и т. д.; 3) отмечены случаи употребления дублетных форм – «исконной» (славянской) и заимствованной лексем, ср.: *хекиміе* ~ *врачове*, *кадіа* *страшна* ~ *судище страшное*, *кадіи* ~ *судія*, *дъиманите* ~ *врагове*, *раслани* ~ *лъвъ*, *каре^с* (*кара^с*) ~ *амраза*, *гемерія* ~ *корабникь*. Довольно значительное количество турцизмов в этом памятнике дает основание предполагать, что уже в самом начале своей деятельности копииста Софроний (=поп Стойко) активно вводил народно-разговорные элементы лексики в данный текст⁶, чтобы сделать его более понятным «простому болгарину»; частично этой цели, по-видимому, служило и употребление дублетных форм.

В Видинском сборнике, также конфессиональном (и нравоучительном) по характеру, 1) отмечено более 30 полнозначных турцизмов (без производных); 2) они относятся в основном к двум лексико-семантическим группам: (а) качества и чувства (религиозного) человека – *аджидисвам*, *дерт*, *зулумикрам*, *кабахат* и дер.), *кавга*, *казеп*, *кайрат*, *кидер*, *кусур*, *мукаетлик*, *рахат*, *резил*, *тазир*, *хал*, *хатър* и (б) социальное и правовое положение человека – *васиет*, *дженк*, *душманин*, *колай*, *комишия*, *кяр*, *тумюрк*, *хабер*, *хазна*; отмечаются отдельные лексемы, обозначающие явления природы, ср. (в) *аслани*, *талазно* биене и т. п.; 3) в тексте зафиксировано несколько дублетных форм: *себен* ~ *причина*, *дряво* ~ *фидан*, и матер *да са грижат* ~ и *да са мукает* [да са погрижат] и др.

Наконец, в Житии 1) в полном соответствии с содержанием данного сочинения и общей ориентацией на народный язык, фиксируется свыше 60 турцизмов; 2) большая их часть относится к группе (а) административно-государственная и военная лексика: *беглик*, *бей*, *бостанджи* (и дер.), *буй-*

циозно се е доближавал до оригинала и е избягвал народния изговор» [Манолева 1993/94: 329, 333].

⁶ Напомним, что в первой копии «Истории...» Паисия, завершенной в том же году, количество заимствований из турецкого как будто невелико, ср. [История1989: 67].

рунтя, везир, велият, диван, шлам, каймаканин, кади (и дер.), кехая, кърджалии, мубашир, назари, пандуре, пашии, рая, силихтар, субаши, султан, тескере, ферман, чауш, чорбаджи, чофадар, яничаре, ясаджи, ясакчи, и др.; байраци, бастиса, бюлюк, майсере, ордия, тепенджик, топ, топуз, чактиса; (б) качества человека, отношения между людьми: борч, гявур, зарар, зулумджия, имам, кабахат, кадини (и дер.), курбан-байрам, куртулисам, ортаци, пезвенк, хаджи, харем и т. п. В данном тексте как будто отсутствуют дублиеты, представленные славянским словом и турцизмом. Вместе с тем, в отличие от двух первых, в этом памятнике отмечены и турецкие словосочетания.

Лингвистический анализ трех произведений Софрония Врачанского показывает: наряду с последовательной ориентацией его на народный язык, есть примеры того, что книжник, учитывая тематику каждого конкретного сочинения, производил определенный отбор лексем и заменял «разговорные» элементы (к которым относятся многие заимствования из турецкого) славянскими, черпая их из словарного состава традиционного языка и тем самым сохраняя тесную связь с ним. Вместе с тем можно предположить, что подобный отбор осуществлялся, по всей видимости, интуитивно и непоследовательно (отсюда – наличие приведенных выше лексических дублетов). Задача сознательной замены иноязычной лексики на исконную и проведения этого принципа в языковой практике деятелей болгарской культуры будет осмысляться и реализовываться позднее, см., напр.: [История 1989: 103, 107–109, 450, 475 и др.].

ЛИТЕРАТУРА

- Вътсв 1989 – *Вътсв В.* Езикът на Софроний Врачански // *Софроний Врачански*. Съчинения в два тома. Т. I. София, 1989.
- Демина 1985 – *Демина Е. И.* Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XV/II в. Ч. III. София, 1985.
- Демина 1992 – *Демина Е. И.* Предвозрожденческий период в истории болгарского литературного языка // *Болгарский литературный язык предвозрожденческого периода*. М., 1992.
- Жерев 1969 – *Жерев С.* Езикът на втория Софрониев препис на «История славяноболгарска» от 1781 г. в сравнение с първия (1765 г.) // *Български език*. № 2, 1969.
- История 1989 – История на новобългарския книжовен език. София, 1989.
- Манолева 1993/94 – *Манолева А.* За някои езикови особености на Котленския сборник // *Български език*, № 4, 1993/1994.
- Ничева 1965 – *Ничева К.* Езикът на Софрониевия «Неделник» в историята на българския книжовен език. София, 1965.
- Софроний 1989 – *Св. Софроний Епископ Врачански*. Катехизически, омилетични и нравоучителни писания. Из ръкописното наследство на Светителя. София, 1989.
- Софроний 1989а – *Софроний Врачански*. Съчинения в два тома. Т. I. София, 1989.

К изучению лексического узуса преславских книжников

Особая преславская лексика в древних славянских рукописях привлекала внимание палеославистов уже в XIX в. Огромная работа епископа Амфилохия (Сергиевского), Г. А. Воскресенского, В. К. Лебедева, И. Е. Евсеева, а также других славистов по выявлению разночтений в списках Нового и Ветхого Завета дала возможность И. В. Ягичу сделать некоторое обобщение в виде свода лексических дублетов. «Правый ряд» в этих списках во многом совпадал с особой лексикой, характеризующей тексты, связанные с эпохой расцвета древнеславянской письменности в Болгарии во времена царствования царя Симеона. Ягич объяснял появление «вариантов» стремлением книжников частично к большей точности, частично к большей понятности языка [Jagić 1902: 68].

Стремлением преславских книжников к большей понятности старославянского языка – первого славянского письменно-литературного языка – широким массам христианизировавшихся славян объясняются многие их установки в словоупотреблении, в т. ч. и те, которые можно условно назвать «спуристическими тенденциями». С перенесением в эпоху царя Симеона основного центра славянской письменности в район г. Преслава связано кардинальное расширение лексического инвентаря старославянского языка. Иногда исследователи говорят даже о собственных литературно-языковых нормах, присущих, якобы, письменным школам этой эпохи — Кирилло-Мефодиевской, Охридской и Преславской [Евсеев 1897: 77; 78; Večerka 1992: 375–381]. Действительно, фактически каждая старославянская рукопись имеет свое собственное «орфографическое лицо», служащее до некоторой степени отражением и ее «фонетического лица» (представление о чем можно получить хотя бы из очерка Р. Вечерки в Старославянском словаре 1994 г. [Вечерка 1994]); лексические же особенности рукописей обусловлены и употреблением региональной лексики, и личными предпочтениями отдельных пользующихся большим авторитетом книжников. Однако эти явления нестабильности лексического узуса, как и нестабильности на других языковых уровнях, не переходили черты, за которой следует разрушение литературно-языковой нормы и, следовательно, самой системы старославянского языка, но могут быть охарактеризованы как относящиеся к динамике нормы в пределах одной языковой системы, или, по определению Е. И. Деминой, «внутренней динамике нормы» [Демина 1994: 6]. В настоящее время в палеославистике общепризнанным является положение, что старославянский язык, история которого начинается с переводов Св. Писания, сделанных свв. Кириллом и Мефодием в Византии до 863 г., и

который существовал на славянских землях в IX – начале XI вв., представлял собой единую языковую систему (работы Р. М. Цейтлин, И. Добрева, Д. Ивановой-Мирчевой, А. Минчевой и мн. др.).

Некоторые тенденции к внутренней динамике лексической нормы у преславских книжников известны уже из трудов начала XX в. С тех пор неизменно отмечается общая установка Преславского письменного центра на замену непереуведенных в предполагаемом кирилло-мефодиевском переводе грецизмов славянскими синонимами. Преславские книжники стремились избавляться как от грецизмов, проникших в старославянский язык из народной славянской речи, так и от «книжных» грецизмов, возникших в процессе перевода, т. е. непосредственно в процессе «текст → текст» (т. е. использовали *трѣбникъ* вм. *алтарь*, *жрьць* вм. *икрен* и т. п.). К началу XX в. относятся и попытки выделять в древнейших славянских рукописях преславскую региональную лексику.

Большинство лексем «правого ряда» в списках Ягича (в таких парах, как *животъ* – *жизнь*; *пастырь* – *пастоухъ*; *воци* – *жродъ*; *жрътва* – *трѣба* и мн. др.) и с точки зрения современного исследователя являются лексическими приметами преславских текстов. С деятельностью преславских книжников связано также проникновение в старославянский язык значительной части старославянских тюркизмов. В отличие от грецизмов, воспринимавшихся преславскими книжниками в качестве чуждых элементов, требующих замены, тюркизмы казались им, видимо, словами славянской народной речи. Так, в отношении тюркизмов на *-чин* (как собственно тюркизмов, так и образованных по их образцу лексем от славянских корней) Р. М. Цейтлин писала: «Есть основания полагать, что в язык старославянских памятников эти слова вошли непосредственно из живой речи и связаны с восточноболгарским ареалом» [Цейтлин 1977: 124]. Характерно, что тюркизмы вводились преславскими книжниками в тексты несмотря на наличие в старославянском лексическом инвентаре довольно частотных (т. е. «укорененных» в языке) слов с тем же значением (ср. *кънльзь* ‘начальник’ [Л 8,41; И 3,1] – *самъчин* ‘то же’; *кънжъникъ* ‘знаток закона, книжник’ – *кънжъчин* ‘то же’ и др.). Идентификация старославянских тюркизмов как преславской региональной лексики, начатая еще В. А. Погореловым (в частности, тюркизмов на *-чин* [Погорелов 1914]), продолжается в работах современных исследователей, особенно болгарских (Б. Велчевой, А. Делевой и др.).

В палеославистических исследованиях последних лет обращается внимание на преимущественное использование преславскими книжниками лексики определенных словообразовательных моделей; стали предприниматься некоторые шаги к дефиниции лексических предпочтений отдельных выдающихся книжников [Благова, Икономова 1993; Ефимова 1999]. Большие возможности для изучения лексического узуса преславских книжников сулит, как кажется, метод сопоставления греческой лексики со старославян-

ской, где «отправной точкой» будет греческая лексема¹. Этот метод даст возможность в какой-то мере проникнуть в «творческую лабораторию» древнего книжника. Напр., выбрав объектом сопоставления греческое двукорневое сложение *ἄθλοφόρος*, можно рассмотреть способы его перевода в Сураасльской рукописи, состоящей из 48 житий и гомилий, переведенных или отредактированных преславскими книжниками. В Житии Феодора, Константина, Феофила, Калиста, Васоя и их дружины греч. *ἄθλοφόρος* один раз передано относительно высокочастотной и известной по другим старославянским рукописям лексемой *мжченикъ* (55,18) и трижды калькой *страстоносць* – с неполным соответствием морфемной структуры (старославянское слово, в отличие от греческого, суффиксально оформлено как существительное), но с буквальным соответствием семантики обеих корней. В Житии же Ионы и Варахисия греч. *ἄθλοφόρος* переводится калькой *страстотръпьць* с неполным соответствием как морфемной, так и семантической структуры.

ЛИТЕРАТУРА

Благова, Икономова 1993 – *Благова Э, Икономова Ж.* Лексические совпадения Бесед Григория Двоеслова и второго жития Вячеслава с лексикой Иоанна Экзарха // *Старобългаристика*, 1993, № 3.

Вечерка 1994 – *Вечерка Р.* Фонетико-фонологическая и правописно-графическая характеристика старославянских рукописей // *Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.)* / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.

Демина 1994 – *Демина Е. И.* Проблема динамики литературно-языковой нормы // *Традиция и новые тенденции в развитии славянских литературных языков: проблема динамики нормы. Тезисы докладов международной научной конференции. Москва, 24–26 мая 1994 г. М., 1994.*

Евсеев 1897 – *Евсеев И. Е.* Книга пророка Исаии в древнеславянской переводе. СПб., 1897.

Ефимова 1999 – *Ефимова В. С.* О некоторых тенденциях развития первого литературного языка славян в произведениях древнеболгарских писателей (на материале отадыективных наречий) // *Проблемы славянской диахронической социолингвистики: динамика литературно-языковой нормы.* М., 1999.

Погорелов 1914 – *Погорелов В. А.* Образование имен существительных с окончанием *-чи* в древнеболгарском языке // *Варшавские университетские известия.* Варшава, 1914, кн. IX.

Цейтлин 1977 – *Цейтлин Р. М.* Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М., 1977.

Jagić 1902 – *Jagić V.* Zum Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache // *Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Classe.* Bd. 46. Wien, 1902.

Večerka 1992 – *Večerka R.* K charakteristice jazykové normy staro-bulgarského literárního centra přeslavského // *Slavia*, 1992, roč. 61, seš. 4.

¹ Материал к такому исследованию должен дать готовящийся к изданию в Славянском институте Академии наук Чешской республики Греческо-старославянский индекс.

**Особенности развития пуризма в Лужице
в связи со спецификой серболужицкой
языковой ситуации**

Начало действия пуристических тенденций в серболужицких (верхне- и нижнелужицком) литературных языках относится к переломному периоду развития серболужицкого языка – к 40-м гг. XIX в. Серболужицкая письменность к этому времени была представлена переводами Библии и различными текстами религиозного содержания. Язык этой литературы отмечен сильным влиянием немецкого языка, а в некоторых случаях в нем наблюдаются греческие и латинские элементы, которые использовались авторами славянских переводов Библии [Michałk 1972], к которым обращались создатели переводов на серболужицкий язык. Эти переводы, достаточно консервативные по своему характеру, обнаруживали высокую степень вариативности как в лексике, так и в грамматике, нестабильность в правописании, слабое развитие терминологических систем (за исключением церковной терминологии). Но в этих текстах уже находят воплощение наддиалектная литературно-языковая норма. При этом в верхнелужицком письменном (литературном) языке речь шла о двух ее вариантах – католическом и протестантском, опиравшихся на разные диалектные базы, с рядом отличий, главным образом в орфографии. Различия между ними сглаживались в течение XVIII в., особенно после смены диалектной базы католического варианта.

Фоном для развития серболужицких литературных языков служило действие целого ряда экстралингвистических факторов, связанных с внешней историей серболужицких литературных языков и повлиявших на развитие их письменных и устных форм, на развитие разговорного языка, а также и народного языка серболужичан: взаимодействие серболужичан с немецким населением, рано начавшиеся немецко-серболужицкие языковые контакты, отсутствие единой светской, церковной и административной власти, единой системы школьного образования, отсутствие единого культурного центра серболужичан, а также условий их объединения, в т. ч. и в языковом отношении. Эти специфические исторические условия развития серболужицкой народности повлияли на весь процесс развития литературных языков.

Сложность и противоречивость языковой ситуации в Лужице до XIX в. определялась действием двух тенденций – необходимостью развивать письменную форму церковного языка (даже в условиях германизаторской поли-

тики властей) в целях расширения влияния новой церкви на серболужичан, и усилением влияния немецкого языка в результате действия ряда внеязыковых факторов, а также постепенным переходом от стадии серболужицкого одноязычия к стадии немецко-серболужицкого двуязычия. При доминирующей роли немецкого языка, широком применении его во всех сферах общественной и государственной жизни вырастает его престиж и он превращается в мотивирующий фактор развития серболужицкого языка и доминирующий источник немецко-серболужицкой языковой интерференции. К началу XX в. на территории распространения серболужицкого языка складывается ситуация массового коллективного двуязычия.

Фактор влияния немецкого языка на серболужицкий на всех уровнях его языковой системы действует на протяжении всей истории развития серболужицкого языка и всех форм его существования – письменных и устных литературных, разговорной и диалектных. Об этом свидетельствуют уже первые памятники серболужицкой письменности, основанные на местных диалектах и чуждые стремлению к «очищению» языка. Среди лексических германизмов преобладают обозначения абстрактных понятий, связанных с религией, церковным обиходом, названия качеств, присущих человеку, названия растений, тканей, красок и т. п.

К грамматическим германизмам относится в первую очередь употребление указательного местоимения *tón, ta, to* и неопределенного местоимения *jeden, jedna, jedne* в качестве определенного и неопределенного артиклей (это наблюдается и в современном народном языке). Примеры немецкого влияния наблюдаются в словоизменении имени существительного и глагола, в синтаксисе.

В начале XIX в. серболужицкий письменный (литературный) язык, по мнению Я. А. Смолера и других деятелей серболужицкого возрождения, производит впечатление языка, в котором «слова звучали по-славянски, а конструкции образовывались по чужому образцу». Явным становится и разрыв этого языка с живой народной речью серболужичан, для которых диалект являлся основным средством общения.

Переломом в развитии серболужицких литературных форм (главным образом верхнелужицкой), явилась вторая половина XIX в. Уже в первой трети XIX в. в результате действия ряда факторов, среди которых особое значение имели изменения политической и общественной ситуации на территории Лужицы, особенно в Саксонии, появились мощные стимулы к развитию наддиалектной литературно-языковой нормы, а 40-е гг. XIX в. стали началом развития серболужицкого движения за национальное возрождение серболужичан [Шустер-Шевц, 1995].

В новый период истории Лужицы появляются условия для развития серболужицкой светской литературы, прессы, культуры. Одновременно становится очевидной необходимость изменения консервативного характера письменного (литературного) серболужицкого языка. Издание популярных и научных книг на серболужицком языке потребовало не только выработки новых орфографических норм единого верхнелужицкого литературного языка, но и его совершенствования на всех уровнях языковой системы на основе изучения как самого литературного языка, так и народного языка серболужичан [Ермакова 1999]. Решение основной задачи, выдвинутой Серболужицкой матицей в 40-е гг. XIX в., – создание научной и художественной литературы для серболужичан на их родном языке, потребовало прежде всего расширения словарного состава серболужицкого литературного языка. При этом особое значение приобретало обращение к народному языку, который при сопоставлении с письменным литературным языком рассматривался в качестве критерия «чистоты», а следовательно, как возможная база для обоснования и корректировки норм литературного языка на новом этапе развития.

Процесс сближения верхнелужицкого литературного языка с «чистым» народным языком, сохранившимся в народных песнях, был сложным и противоречивым [Ермакова 1998]. Не только верхнелужицкий литературный язык, но и народная речь серболужичан были насыщены немецкими конструкциями. Относительно хорошо славянский характер народной речи сохранялся в народной поэзии, которая и служила источником выработки единых норм верхнелужицкого литературного языка. При этом деятели возрождения обращались и к данным не только серболужицких диалектов, но и других славянских языков и таким образом в известной степени осуществляли процесс реславянизации верхнелужицкого литературного языка.

Однако сохранение системного своеобразия верхнелужицкого литературного языка, который выступал в качестве символа национального своеобразия серболужичан как славянской народности, предполагало и «очищение» его от внешних влияний, прежде всего от немецких элементов, хотя многие из них в результате немецко-серболужицкой интерференции уже заняли прочное место в литературном языке в период, предшествующий национальному возрождению серболужичан. Таким образом происходила замена не только более новых, но также и ранних немецких заимствований лужицкими новообразованиями. В ряде случаев создатели новой лужицкой лексики обращались к структурно близкому чешскому языку, который сыграл роль образца и при выработке новой единой верхнелужицкой орфографической системы.

О характере и составе серболужицкой лексики периода, когда начали действовать пуристические тенденции, свидетельствует материал первого лексического компедиума верхнелужицкого языка, созданного Х. Т. Пфулем (1866 г.) при участии крупных деятелей серболужицкого национального возрождения Х. Зейлера и М. Горника. Ср. введенные в словарь пуристические неологизмы типа *mjeńšina*, *hodźina*, *tysac*, *čitać*, *dwěl*, *ličić* и др., судьба которых сложилась в истории верхнелужицкого литературного языка поразному. Так, неологизмы *mjeńšina* (чешск. *meňšina*), *hodźina* (чешск. *hodina*, польск. *godzina*) вплоть до настоящего времени употреблялись наряду с европеизмом *minuta*, *štunda* (нем. *Stunde*) позднее было вытеснено словом *hodźina*. Неологизм *tysac* в словаре Х. Т. Пфуля упоминается наряду с немецким заимствованием *tawzynť*, ушедшим затем из употребления, как ушло из употребления и немецкое *lazować*, указанное наряду с *čitać*. Подобным образом сложилась и судьба таких пар слов как немецкое заимствование *swyfel*, *swyfl* – немецкая калька *dwěl*, *rachnować* – *ličić*, распространенные в XIX в. в народных песнях, мужаковском и слепянском диалектах. Некоторые пуристические неологизмы не вошли в верхнелужицкий литературный язык из-за своего искусственного характера.

Выполняя в первую очередь оборонительную функцию и защищая верхнелужицкий литературный язык от натиска немецких элементов, что могло привести к утрате своеобразия серболужицкого литературного языка, пуризм становился явлением, характерным не только для данного периода в истории развития серболужицкого литературного языка, но, в силу постоянно существующего фона немецко-серболужицкой языковой интерференции и ряда других внеязыковых факторов, элементом развития, актуальным на протяжении всей истории серболужицких литературных языков. Это нашло отражение в крупных лексикографических трудах 20-х гг. XX в. (словари Ф. Резака, Ю. Краля).

Новая волна пуризма возникает в послевоенный период, особенно в 40-50-е гг. XX в., для которого характерно усложнение нормы литературного языка в результате неоправданного экспериментирования в формо- и словообразовании, что привело к удаленности литературного языка от народного языка и непониманию его самими носителями. В этот период изменения в верхнелужицком литературном языке осуществлялись под влиянием других славянских языков, среди которых особая роль принадлежит чешскому языку. По замечанию Г. Шустера-Шевца [Шустер-Шевец 1995: 20], серболужицкий языковой пуризм этого времени являлся своего рода реакцией на усиливающееся подчинение серболужицкого языка немецкому влиянию в результате интенсивной немецко-серболужицкой интерференции.

В современной языковой ситуации в Лужице, когда расширяются связи серболужицан не только со славянскими народами, но и с другими европейскими народами в результате действия тенденций глобализации, особое значение приобретает развитие серболужицких литературных языков как гаранта сохранения серболужицкой языковой субстанции на территории Лужицы.

Сохранение ситуации, при которой усиливается немецко-серболужицкая интерференция и связи серболужицкого языка с языками других языковых сообществ, является основанием и почвой для проявления пуристических тенденций как внешних проявлений защиты народной самобытности в современных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

Ермакова 1998 – *Ермакова М.И.* Проблемы развития верхнелужицкого литературного языка в период национального возрождения // Славянские литературные языки эпохи национального возрождения. М., 1998. С. 89–119.

Ермакова 1999 – *Ермакова М.И.* Развитие норм серболужицких литературных языков в связи со спецификой языковой ситуации // Проблемы славянской диахронической социолингвистики: динамика литературно-языковой нормы. М., 1999. С. 106–143.

Ермакова 2000 – *Ермакова М.И.* Роль пуризма в истории верхнелужицкого литературного языка // *Folia slavistica*. М., 2000. С. 36–42.

Шустер-Шевц 1995 – *Шустер-Шевц Г.* Серболужицкий язык и его изучение // Проблемы становления и развития серболужицких литературных языков и диалектов. М., 1995.

Michałk 1972 – *Michałk Fr.* Latinizmy i germanizmy w rěči J.H. Swětlika. Přinošk k stawiznam hornjoserbskyc spisowneje rěče // *Lětopis Instituta za serbski ludospyt*. Budyšin, 1972. Rjad A – rěč a literatura. Č. 19/1.

Stone 1968 – *Stone G.* Der Purismus in der Entwicklung des Wortschatzes der obersorbischen Schriftsprache // *Beiträge zur sorbischen Sprachwissenschaft*. Bautzen, 1968.

Stone 1971 – *Stone G.* Lexical changes in the Upper Serbian Literary Language during and following the National Awakening // *Lětopis Instituta za serbski ludospyt*. Budyšin, 1971. Rjad A – rěč a literatura. Č. 18/1.

Преодоление сербским литературным языком пуризма Вука Караджича и его эпигонов

Недавно в белградском журнале «Славистика» в рубрике «Славистические научно-исследовательские проекты» была опубликована статья авторитетного сербского лингвиста Эгона Фекете «Языковой пуризм в теории и практике». После краткого обзора дефиниций пуризма, представленных в современной научной литературе, автор упоминает выдвинутый реформатором сербского литературного языка Вуком Караджичем принцип «общей правильности» языка, принятый на вооружение преемниками Вука. Хотя этот принцип не получил четкого определения, отметил Э. Фекете, он подразумевал, в частности, два фундаментальных начала: «первое, что язык новой культуры следует создавать на основе народных, фольклорных говоров, и второе, что язык должно строго оберегать от всего, что нарушает его или может представлять для него угрозу, причем опасность усматривалась прежде всего во влиянии иностранных языков, главным образом в заимствовании чужих слов» [Славистика 2002: 268].

Далее автор рассматривает малоэффективные попытки вытеснения иноязычных слов, преимущественно интернациональных терминов, предпринимавшиеся в XIX в., в частности, Обществом сербской словесности. Предлагались, напр., такие замены, как *одреченије* вм. *абдикација*, *делопис* вм. *акта*, *управительство* вм. *администрација*, *противочувствије* вм. *антипатија*, *воздуховружије* вм. *атмосфера* и т. п.

Эту акцию категорически осудил Вук Караджич, заявив, что Общество «портит и уродует наш язык». Э. Фекете напомнил, что еще в предисловии к своему «Сербскому словарю» 1818 г. Вук писал: «Ныне нет на свете ни одного языка (ни древнего, ни нового), лишённого чужих слов... Но я не защищаю чужие слова, я тоже говорю, что язык следует очищать от чужих слов (не только от турецких, но и любых других...), насколько это возможно (разрядка автора – В. Г.)... Лучше взять чужое слово, чем превратно складывать новое...» [Рјечник 1818: XX].

Павле Ивич, обозревая лексикологические приемы Караджича (опора на народно-диалектный лексикон, использование некоторых церковнославянизмов с их фонетической сербизацией, создание новых слов по актуальным и продуктивным словообразовательным моделям), писал: «Ему был чужд

пуризм, эта болезнь слабых, малодушных и уstraшенных угрозой ассимиляции» [Ивић 1971: 243].

Высказывание великого сербского лингвиста носит явный полемико-публицистический характер, содержит аллюзию на языковую политику и практику в некоторых других славянских землях, где пуристическое словотворчество стало издавна весьма распространенным явлением.

Тема пуризма в творчестве Караджича не сводится, однако, к проблеме усвоения или изгнания иноязычных неславянских слов.

В конце XVIII – первых десятилетиях XIX в. сербская книжность отличалась многообразием языковых средств, плюрализмом типов литературно-языкового выражения, в которых были представлены в разных воплощениях и неупорядоченных комбинациях языки сербский, русскоцерковнославянский и собственно русский. «Вот уже около тысячи лет у сербов есть свои буквы и письмо, но до сегодняшнего дня ни в одной книге они не имеют своего подлинного языка!» – заявил Караджич в первых строках своего словаря 1818 г. [Рјечник 1818: III], ставшего манифестом литературно-языковой реформы и конкретным ее воплощением под лозунгом верности народной (крестьянской) речи с устранением обширных русскоцерковнославянских и русских лексических и грамматических наслоений. В литературно-языковой концепции Караджича и ее реализации в ходе формирования и упрочения нового литературного языка очевидны выбор, предпочтение одних языковых единиц и сознательный отказ, избавление от других. Что это такое, как не проявление пуризма?!

Давно замечено, что в текстах самого Караджича, таких, как предисловие к словарю, грамматика, полемические сочинения обнаруживается немало слов, которые автор употреблял, но не допускал в корпус словаря, призванного быть образцом литературно-языкового выражения в народном «духе».

Напр., в предисловии к словарю 1818 г. он написал об одном рецензенте: «А што се тиче *вкуса* у језику, ја заиста не завидим његовој *естетици*» [Рјечник 1818: XII]. Конечно, в словаре нет ни русского слова *вкус* (многократно употребленного в предисловии и впоследствии сербизированного в виде *укус*, но не включенного и во второе издание словаря), нет и слова *естетика*, как не найдем существительного *својство* (огуд је постала она разлика између језика, што се зове својство језика [Рјечник 1818: V]), хотя в обоих изданиях словаря дано народное прилагательное *својски*. Можно заключить, что словарю присущ изначально декларативно-программный характер, а его собственная речевая практика Вука была гораздо шире словарного лексического корпуса. Как известно, впоследствии он был вынужден эксплицитно признать, что для создания таких текстов, как перевод Нового

завета, невозможно обойтись средствами народно-диалектного лексикона, и использовал сербизированные церковнославянизмы и вновь создаваемые по продуктивным моделям лексемы.

Важно иметь в виду, что молодые современники Караджича учились писать не только по сочинениям и изданиям Вука. В их круге чтения находились и многочисленные произведения других авторов, более свободно употреблявших лексические единицы «славяносербской» книжности (в т. ч. абстрактную, отвлеченную лексику); труды, напр., Дмитрия Исайловича («История торговли», его латинско-сербский и французско-сербский словари). Естественно, молодые авторы не отвергали в полной мере лексический фонд этих книг.

Значительную роль в «новом» усвоении церковнославянской и русской лексики как стилистически-художественного средства играли поэтические творения сербско-черногорского поэта Петра Петровича Негоша, особенно «Горный венец» и «Луч микрокосмоса». Это убедительно показал белградский филолог Светозар Стијович в докторской диссертации [Стијовић 1992], исключительно высоко оцененной авторитетными рецензентами. Павле Ивич, в частности, писал, что книга Стијовича открывает новую эпоху в изучении проблематики сербского литературного языка первой половины XIX в.

Некоторые «поствуковские» филологи второй половины XIX в., творцы так называемой «филологической критики», прямолинейно и примитивно воспринявшие караджичевскую концепцию народности литературного языка, стали оценивать качество литературных произведений преимущественно по меркам «чистоты языка». Эпигоны затормозили достижение преемственности и рационального синтеза лексического состава литературного языка Караджича и его более толерантных к традиционному книжному наследию современников (см. [Скерлић 1925: 270–275]). Очевидно, однако, что обширный лексикон современного литературного сербского языка восходит не только к сочинениям, переводам и фольклорным изданиям Караджича и Даничића. Вопрос о преемственности между многообразием книжного языка начала XIX в. (по крайней мере его лексического фонда) и современным литературным языком становится ныне актуальной темой филологических изысканий, и, следовательно, проблема пуризма в истории сербского литературного языка должна трактоваться не только применительно к иноязычной неславянской лексике, но и лексике славянской, т. е. церковнославянской и русской.

Реформа Вука Караджича с установкой на культивирование в литературном языке того, что соответствует инвентарю народно-диалектной речи,

привела к некоторому обеднению не только лексического фонда, но и глагольной системы. Хотя он допускал в принципе употребление на письме и в печати действительных причастий типа *играјући*, настоящие его эпигоны избавиться от всего, чего нет в народной речи, по словам Павла Ивича, «сильно обеднило литературный язык, лишив возможности образовывать причастие от любого глагола. Утрата этого орудия, столь необходимого литературным языкам и столь обычного в литературных языках Европы, представляет, вероятно, наибольший минус языковой революции» [Ивић 1966: 62].

Полной утраты действительных причастий настоящего времени, однако, не произошло. В художественной литературе и особенно в прессе широко функционируют многочисленные отглагольные прилагательные типа *умирујући* ‘успокоительный’, *очаравајући* ‘чарующий’, *путујући* ‘бродячий, передвижной’, *претећи* ‘угрожающий’ и т. п. Наряду с ними и раньше и ныне появляются формы с чисто причастным значением, напр., *испитујући* (у Нушича) ‘экзаменующий’, *чекајући* ‘ожидаящий’ (Нисам их сачекао, а и неки други од чекајућих. Политика). Может быть, со временем и причастия будут реанимированы. Этому способствуют переводы иноязычных текстов, в которых подобные формы обильны и обычны.

Развитие языка далеко не всегда подчиняется устремлениям его нормализаторов.

ЛИТЕРАТУРА

- Ивић 1966 – *Ивић П.* О Вуковом рјечнику из 1818. године // Сабрана дела Вука Караџића. Књ. II. Београд, 1966.
- Ивић 1971 – *Ивић П.* Српски народ и његов језик. Београд, 1971.
- Рјечник 1818 – Српски рјечник, истолкован њемачким и латинским ријечма. Скупио га и на свијет издао Вук Стефановић. У Бечу, 1818.
- Скерлић 1925 – *Скерлић Ј.* Омладина и њена књижевност. Београд, 1925.
- Славистика 2002 – Славистика. Књ. VI. Београд, 2002.
- Стијовић 1992 – *Стијовић С.* Славенизми у Његошевим песничким делима. Сремски Карловци – Нови Сад, 1992.

**Русское влияние
и пуристические тенденции в болгарском литературном языке
на стадии его становления**

Современный болгарский литературный язык ведет свое начало с 20-х гг. XIX в. В своей основе, т. е. совокупности основных норм, представленных в нем и в настоящее время, он сформировался в третьей четверти того же века – к концу эпохи Возрождения. Этот отрезок времени в истории современного болгарского литературного языка и является стадией (периодом) его становления. Короткий по времени этот период характеризуется острыми спорами возрожденцев по важнейшим вопросам скорейшего создания единого, общепонятного и общebolгарского литературного языка, отвечающего быстро расширявшимся потребностям возрождавшегося народа в развитии национальной школы, литературы и других областей культуры, задач национального единения болгар и упрочения этого единства. В этих спорах заметное место занимал и вопрос о чистоте формировавшегося литературного языка, необходимости очищения его от иноязычных заимствований.

Первым, кто сформулировал идею очищения болгарского языка от иноязычных слов как одну из задач создателей нового литературного языка, был Неофит Рильский – автор первой болгарской грамматики. В 1835 г. он писал, что для того, чтобы литературный язык отвечал общественным потребностям болгар, «он должен очиститься от чужезычных слов, а именно греческих и турецких», которые незаметно вошли в употребление болгар вследствие длительного совместного жительства и смешения их с греками и турками [Рилски 1835: 5]. Неофит Рильский считал, что для этого следовало бы собрать воедино все, что есть чисто болгарского на всей болгароязычной территории, и тогда стало бы ясно, что потребности в иноязычных словах нет, кроме разве небольшого количества тех, соответствия которых в родном языке болгарам были утрачены или которых в нем вообще не было и вместо них употребляются греческие или турецкие слова [Рилски 1835: 5].

В существующей литературе, когда говорится о пуристических тенденциях или проявлениях в истории современного болгарского литературного языка на стадии его становления, обычно имеется в виду движение, довольно сильное, против употребления и закрепления в нем турцизмов и грецизмов. Гораздо меньше внимания уделяется в новейшей литературе высту-

плениям болгарских книжников эпохи Возрождения против русского влияния на формирование нового литературного языка в целом и его лексику в особенности.

На стадии своего становления современный болгарский литературный язык испытал, как известно, сильное влияние русского языка, сыгравшего большую роль в развитии и обогащении его лексики.

В отличие от греческого и особенно турецкого русское влияние осуществлялось преимущественно книжным путем – через русскую книгу, в гораздо меньшей мере через школу и слабее всего через непосредственное общение болгар с русскими. Существенной особенностью русского языкового влияния на болгарский было и то, что оно тесным образом переплеталось с влиянием церковнославянского языка, книги на котором, изданные в России, имели широкое распространение в болгарских землях. Влияние этих языков – русского и церковнославянского – при характеристике начального этапа формирования современного болгарского литературного языка и особенно его лексики обычно рассматривается нерасчлененно – как русско-церковнославянское или церковнославянско-русское – на том основании, что отделить одно от другого очень трудно, а во многих конкретных случаях при анализе заимствованной лексики практически едва ли возможно.

Обычно считается, что начало собственно русского языкового влияния на болгарский как влияния отдельного, обособленного от церковнославянского, относится к 40-м гг., хотя и отмечается, что заимствованные из русского слова встречаются уже и в сочинениях возрожденцев более раннего времени (напр., у Софрония Врачанского и др.). Среди болгар, причастных к формированию литературного языка в первые его десятилетия, лишь немногие владели русским языком, и они жили главным образом в некоторых городах России. Иными словами, массового или даже сколько-нибудь значительного активного болгарско-русского билингвизма, который мог бы наложить свой отпечаток на характер лексических заимствований, подобный турецкому или греческому, в эти десятилетия (как, впрочем, и позднее) среди болгарского населения не было.

Положение несколько изменилось в 40-е гг., когда в Болгарию стали возвращаться молодые болгары, получившие образование в учебных заведениях России. Многие из них, вернувшись на родину, приняли широкое участие в строительстве школы, развитии журналистики, литературы и других областей формировавшейся национальной культуры. Они же стали и одной из движущих сил в нормализации и совершенствовании литературного языка. Благодаря им и другим возрожденцам, изучавшим русский язык в Болгарии по русским учебникам и другим книгам, в болгарский литературный

язык из русского быстро вошло множество русизмов – слов как исконно русского, так и иноязычного происхождения. Болгарский язык оказался ими, по словам Б. Цонева, наводнен, он ими кишмя кишел [Цонев 1934: 339]. Благодаря заимствованной русской лексике болгарский литературный язык в короткий срок обогатился огромным числом новых, отсутствующих в народной речи слов, необходимых для обозначения ранее неизвестных реалий и понятий.

Легкость, с которой русские слова заимствовались болгарским языком и в нем закреплялись, объясняется рядом причин. Этому способствовали сложившиеся благоприятные историко-культурные условия и предпосылки, с одной стороны, и большая близость русского языка, закрепившего через церковнославянское посредство ряд древнеболгарских особенностей, и современного народного болгарского языка. Последнее обстоятельство в глазах многих возрожденцев имело большое значение в решении ими задач совершенствования своего литературного языка. Немалое значение имело в частности их убеждение в том, что именно русский язык как богатейший язык самого сильного славянского народа является лучшим и неисчерпаемым источником пополнения новой лексикой формировавшегося нового литературного болгарского языка.

Важно подчеркнуть, что болгарский литературный язык на стадии своего становления и позднее, несмотря на весьма сильное русское влияние, не утратил своей самобытности. «Русское влияние, – совершенно справедливо констатирует К. Попов, – двигалось в определенных рамках и масштабах и никогда не превращалось в русификацию болгарской речи. Наоборот, оно предохранило болгарский литературный язык от бытового консерватизма, ненужного растворения его в диалектах, от примитивизма и провинциализма. Оно стимулировало культурную и литературную обработку нашего национального языка, поставив континуитет его с народными говорами в разумные границы» [Попов 1970: 633].

Отношение болгарских возрожденцев к русскому языковому влиянию было неоднозначным. При широкой поддержке образованными болгарскими людьми на словах и на деле (использование многочисленных русизмов в литературно-языковой практике) свободного включения русских лексических заимствований в язык болгарской печати третьей четверти XIX в., когда их число в литературном языке стало уже весьма осязаемым, раздавались голоса и против этого влияния. Пуристическое противодействие этому выражалось в доказательстве, с одной стороны, отсутствия необходимости в обогащении болгарского языка русскими словами, а с другой, в отрицании полезности русского влияния на развитие духовной культуры болгар вообще и их литературного языка в частности.

Одни из пуристических возражений касаются, таким образом, собственно лексики как таковой. Утверждалось, что русские слова в болгарском излишни, засоряют его и лишают его чистоты – одного из важнейших качеств, которым должен обладать литературный язык. Утверждалось также, что многие используемые в публикуемых сочинениях русские слова болгарам непонятны, и это препятствует созданию такого литературного языка, который был бы понятен широким кругам болгарского населения. Общепонятность же литературного языка признавалась другим его важнейшим качеством. С таких позиций подходил к критике русского языкового влияния, напр., известный болгарский пурист XIX в. И. Богоров.

Другие критики русского языкового влияния в Болгарии выступали не столько против самого этого влияния и собственно русских лексических заимствований, сколько против русского духовного и культурного влияния вообще. Выступления такого рода в некоторых газетах и журналах носили откровенно русофобский характер. Призывы к недопущению расширения в болгарском языке русизмов, к очищению его от уже употребляемого в нем множества таких слов некоторыми деятелями национального Возрождения напрямую увязывались с требованиями оградить болгар от русского влияния в частности в школе, в которой это влияние весьма ощущалось и которая рассматривалась его противниками как проводник опасного для развития Болгарии воздействия в духовной сфере. За ограждение национальной школы от русского влияния выступали авторы статей и заметок, опубликованных в разных периодических изданиях. В газете «Цариградски вестник», напр., в 1859 г. была опубликована заметка, в которой утверждалось, что болгары не должны искать образование у русских, потому что «в своем просвещении они на четыре столетия отстают от других европейцев» (цит. по: [Шишманов 1965: 415]). Раздавались голоса и о том, что родному языку в болгарских школах учат по грамматикам, составленным по образцу русских грамматик, или даже просто по русским грамматикам. В статье «Наш родной язык», опубликованной в 1873 г. в газете «Турция», говорилось, что в болгарских школах с приходом в них воспитанников российских учебных заведений, «стали преподавать на языке, смешанном с чужим наречием, и так получился язык, который некоторые называют письменным, существующим теперь в большинстве школьных книг. А еще и среди образованных (болгар) есть немало таких, которые пишут статьи в газету сначала на русском языке, а потом их переводят на болгарский, отчего родной наш язык стал похож на цыганскую торбу с разным барахлом» (цит. по [Шишманов 1965: 415]). С так воспринимаемым характером преподавания родного языка в школах и его негативного воздействия на него некоторые возрожденцы

непосредственно увязывали противодействие широкому влиянию русского языка на болгарский. Газета «Турция» в 1869 г. писала, что болгары «должны очистить свой язык от русских слов, которые по антинародным причинам с целью московской пропаганды в последнее время были внесены в из русских школ, из Киева, Москвы и Одессы» (цит. по [Шишманов 1965: 415]).

Русофобские выступления некоторых возрожденцев против русского влияния в языковой сфере не оставались незамеченными их современниками, но на деле они едва ли сыграли сколько-нибудь заметную роль в ослаблении русского влияния на болгарский литературный язык на стадии его становления.

ЛИТЕРАТУРА

История 1989 – История на новобългарския книжовен език. София, 1989.

Попов 1970 – *К. Попов*. Културно-историческа характеристика на съвременния български език // Известия на Института за български език. Кн. XIX. София, 1970.

Рилски 1835 – *Н. Рилски*. Болгарска граматика сега перво сочинена. В Крагуевце, 1835.

Цонев 1934 – *Б. Цонев*. История на български език. Т.2. София, 1934.

Шишманов 1965 – *И. Шишманов*. Избрани съчинения. Т. I. Българско Възраждане. София, 1965.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Г. П. Нецименко.</i> Проблема пуризма как предмет лингвистических дискуссий	3
<i>Р. П. Усикова.</i> Формирование терминологической лексики в истории современного литературного македонского языка	6
<i>Г. Г. Тяпко.</i> Эволюция хорватского пуризма	9
<i>О. С. Плотникова.</i> Категория определенности/неопределенности и пуристические тенденции в истории словенского литературного языка . . .	13
<i>И. В. Платонова.</i> Об употреблении болгарских турцизмов на материале болгарских газет (90-е гг. XX – начало XXI в.)	16
<i>Ф. Б. Людоговский.</i> Пуристические тенденции в современном сербовнославянском языке	20
<i>К. В. Лифанов.</i> Словацкий пуризм 30–40-х гг. XX в. и тенденции развития словацкого литературного языка	25
<i>Г. П. Клетикова.</i> Турецкие заимствования в языке Софрония Врачанского	28
<i>В. С. Ефимова.</i> К изучению лексического узуса преславских книжников	33
<i>М. И. Ермакова.</i> Особенности развития пуризма в Лужице в связи со спецификой серболужицкой языковой ситуации	36
<i>В. П. Гудков.</i> Преодоление сербским литературным языком пуризма Вука Караджича и его эпигонов	41
<i>Г. К. Венедиктов.</i> Русское влияние и пуристические тенденции в болгарском литературном языке на стадии его становления	45

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**ПУРИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ
В ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ**

Сборник тезисов

Ответственный за выпуск *Г. К. Венедиктов*
Корректор *Ф. Б. Людоговский*
Компьютерная верстка *Ф. Б. Людоговский*

Подписано в печать 08.11.2005
Печ. л. 2,9 Тираж 100 экз.

ООО «Пробел – 2000»
Москва, ул. Поварская, д. 36

